

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БАНКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

WWW.NBJ.RU

NBJ

10

(254)

октябрь 2026

АРБ и СПБГУ:

наука и банковская
практика объединились
ради финансовой
безопасности

6

Банковский SOC:
между автоматизацией и ответственностью

24

НКС ООН РАН — Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук РАН представляет

Вышел очередной сборник:

ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

Национальный исследовательский
институт Доверия, Достоинства и Права

ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

Материалы «Рабочего завтрака у Тосуняна»
24 января 2026 года

Материалы

«Рабочего завтрака у Тосуняна»

24 января 2026 года

ДОКЛАДЧИКИ:

Суворов Антон Дмитриевич
кандидат физико-математических наук,
PhD по экономике,
ректор Российской экономической школы

Белянин Алексей Владимирович
PhD по экономике,
профессор Школы цифровых технологий
и экономики «Алматы менеджмент университет»,
старший научный сотрудник
НИУ «Высшая школа экономики»

Нестик Тимофей Александрович
доктор психологических наук, профессор РАН,
заведующий лабораторией социальной
и экономической психологии Института психологии РАН,
ведущий научный сотрудник кафедры психологии личности
факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова

НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ СОВЕТ

Председатель:

АЛЕКСАНДР ТОРШИН

Председатель совета директоров
Евразийского рейтингового
агентства (ЕРА), Заслуженный
юрист РФ, Действительный
государственный советник
Российской Федерации 1 класса

ГАРЕГИН ТОСУНЯН

Президент Ассоциации
российских банков,
академик РАН, д.ю.н.

АНАТОЛИЙ АКСАКОВ

Председатель Комитета
Государственной Думы ФС РФ
по финансовому рынку, к.э.н.

РУСЛАН ГРИНБЕРГ

Научный руководитель Института
экономики РАН, чл.- корр. РАН, д.э.н.

АНТОН ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН

Сопредседатель Общероссийской
общественной организации
«Деловая Россия», к.э.н.

ПАВЕЛ МЕДВЕДЕВ

Финансовый омбудсмен
Ассоциации российских банков,
профессор, д.э.н.

АЛЕКСАНДР ШОХИН

Президент Российского
союза промышленников
и предпринимателей, д.э.н.

Национальный Банковский Журнал (NBJ) является участником: Ассоциации российских банков, Ассоциации банков России, Московской ассоциации предпринимателей

Генеральный директор: Екатерина Кромпляс

Издатель: ООО УК «Национальный Банковский Журнал»

Редакция:

Главный редактор: Станислав Комаров chief@nbj.ru

Шеф-редактор: Оксана Дяченко dyachenko@nbj.ru

Шеф-редактор сайта: Аркадий Арзамасцев editor@nbj.ru

Арт-директор: Ольга Рыцек art@nbj.ru

Цветокорректор: Александр Руденко

Корректор: Елена Кульбицкая

Руководитель блока маркетинга и PR: Ольга Мартынова event@nbj.ru

Директор по развитию: Александр Мешков adv@nbj.ru

Директор NBJ Consulting: Светлана Браницкая dubai@nbj.ru

Директор по рекламе: Иван Слепенков slepenkov@nbj.ru

Отдел подписки и распространения: join@nbj.ru

Адрес редакции: 121069, Москва, Скотертный переулок, 20

Тел./факс: (495) 988-32-08

Почтовый адрес: 121069, Москва, Скотертный переулок, 20

Сайт: www.nbj.ru; e-mail: nbj@nbj.ru. Тираж 6 000 экз. Номер сдан в печать 19.10.2026

Отпечатано в ООО «Типография «Печатных Дел Мастер».

Адрес: Московская область, г. Люберцы, Октябрьский проспект, д. 249

тел.: +7 (495) 045-96-99, e-mail: info@pd-master.ru.

Редакция не несет ответственности за достоверность информации

в материалах, опубликованных на правах рекламы.

При использовании материалов ссылка на Национальный Банковский Журнал обязательна.

© NBJ (Национальный Банковский Журнал), 2026

Свидетельство на товарный знак № 436049

Мнение авторов может
не совпадать с позицией
редакции

ГДЕ МОЖНО НАЙТИ NBJ

Агентство по страхованию вкладов (АСВ) г. Москва, Верхний Таганский тупик, д. 4

Ассоциация микрофинансовых организаций (АМФО) г. Москва, ул. Тарусская, д. 10

Ассоциация российских банков (АРБ) г. Москва, Скотертный пер., д. 20

Торгово-промышленная палата РФ (ТПП) г. Москва, ул. Ильинка, д. 6

Российский микрофинансовый центр г. Москва, ул. Петровка, д. 15/13, стр. 5

Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) г. Москва, Котельническая наб., д. 17

Российская национальная ассоциация SWIFT (РОССВИФТ) г. Москва, Б. Саввинский пер., д. 2-4-6, стр. 4

Национальное партнерство участников микрофинансового рынка (НАУМИР) г. Москва, ул. Петровка, д. 15/13, стр. 5

NBJ

октябрь

1. Actual

6

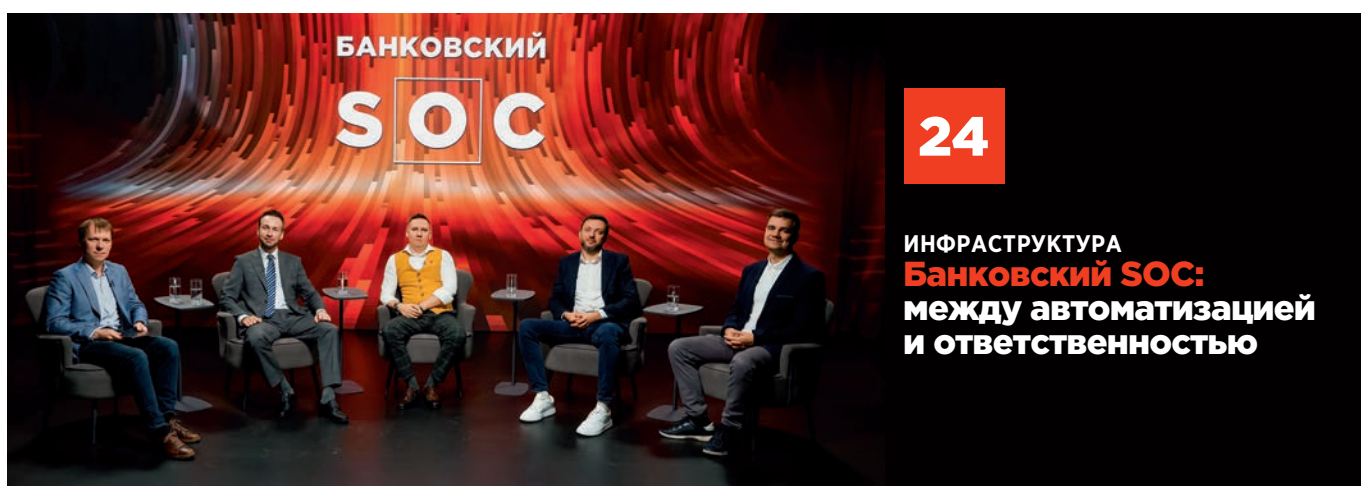
ФОРУМ
АРБ и СПБГУ: наука и банковская практика объединились ради финансовой безопасности

20

НОВАЦИИ
Банки станут налоговыми агентами по вкладам: изменит ли это рынок депозитов

2. Банки и бизнес

24

ИНФРАСТРУКТУРА
Банковский SOC: между автоматизацией и ответственностью

История качества

**30 лет уверенности
для клиентов**

Банк «ВБРР» (АО)
Генеральная лицензия Банка России №3287

8 (800) 700-03-49 КРУГЛОСУТОЧНО,
www.vbrr.ru ЗВОНОК ПО РФ БЕСПЛАТНЫЙ

30

ДИСКУССИЯ
Многополярный мир:
Взгляд с «Рабочего завтрака
у Тосуняна»

50

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
DDoS-атаки на банки:
почему гигабиты уже не главное

56

ДИСКУССИЯ
Жить в долг
Власти и центробанки ищут возможности
ослабить бремя государственных заимствований

3. Национальная Банковская Премия 2026

60

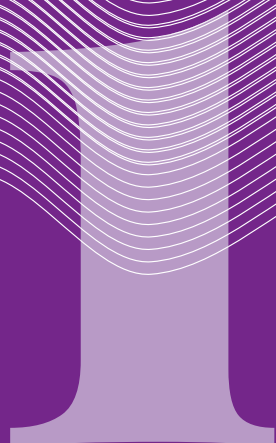
Партнёры
Национальной
Банковской Премии

Альфа-Банк
«Газпромбанк» (АО)
Банк «ВБРР» (АО)
ООО «Цифра банк»

62

Участники
Национальной
Банковской Премии

Банк ДОМ.РФ
ПАО Сбербанк
Свой Банк
ПАО «ЧЕЛИНДБАНК»

Actual

ФОРУМ

АРБ и СПбГУ:

6

**наука и банковская практика
объединились ради финансовой
безопасности**

20

**Банки станут налоговыми
агентами по вкладам:
изменит ли это рынок депозитов**

АРБ и СПбГУ: наука и банковская практика объединились ради финансовой безопасности

Текст: Станислав КОМАРОВ. Фото: пресс-служба СПбГУ.

9–10 октября 2026 года в Санкт-Петербургском государственном университете состоялась II Всероссийская научно-практическая конференция «Поведенческая экономика и информационная безопасность: стратегический диалог». Конференция, организованная СПбГУ и Ассоциацией российских банков в смешанном формате, объединила руководителей и экспертов Банка России, Росфинмониторинга, ведущих российских и международных учёных, представителей банковского сектора, крупнейших цифровых платформ, специалистов в области информационной безопасности, психологов. Главный вопрос двухдневного диалога звучал особенно остро: как сделать цифровые технологии инструментом развития и безопасности, не лишая человека возможности осознанно и ответственно распоряжаться своими финансами? Сотрудничество СПбГУ и АРБ придало обсуждению практическую направленность: научные исследования встретились с опытом банковской отрасли.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ КОНФЕРЕНЦИИ: «ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ – ОТ ПОТРЕБИТЕЛЯ К КИБЕРУГРОЗАМ»
Открыли конференцию ректор СПбГУ, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук **Николай Кропачёв**

и президент Ассоциации российских банков, академик РАН **Гарегин Тосунян**. Открывая встречу, они обозначили общую задачу науки и банковского сообщества: сформировать стратегическую повестку развития поведенческой экономики, интегрировать её инструменты

в систему информационной безопасности и противодействия финансовому мошенничеству. Ключевые вопросы, вынесенные на обсуждение, включают архитектуру финансового выбора, поведенческие риски цифровой среды, влияние искусственного интеллекта на принятие решений, проблемы доверия к технологиям и формирование ответственного поведения.

С приветствием к участникам обратился ректор Университета **Николай Кропачёв**. Он напомнил о том, что отечественная школа экономической мысли была заложена именно в Санкт-Петербургском университете, а сегодня в СПбГУ действуют центры и лаборатории мирового уровня. В основе их деятельности лежит междисциплинарный подход, на нём же базируются

и новые основные образовательные программы «Поведенческая экономика и экономическая психология» и «Платформенная экономика», а также разрабатываемые дополнительные программы в этой области.

«Сотрудничество с Центральным Банком России в рамках их реализации свидетельствует о том, что мы занимаемся делом, действительно важным для банковской системы и страны в целом. Мы сотрудничаем также и с ведущими академическими центрами в своих областях – Институтом психологии РАН и Федеральным научно-исследовательским социологическим центром РАН, руководители которых сегодня присутствуют на конференции», – подчеркнул ректор СПбГУ **Николай Кропачёв**. Глава Университета также поблагодарил соорганизатора конференции – Ассоциацию российских банков – в лице **Гарегина Тосуняна**, и отметил вклад проректора СПбГУ **Виктора Титова** в развитие университетской сети междисциплинарных исследовательских лабораторий и центров мирового уровня.

Как отметил **Гарегин Тосунян**, тема конференции обусловлена стратегической необходимостью. «Информационная безопасность и борьба с мошенничеством – это вопрос защиты национальной экономики, интересов бизнеса и сбережений граждан. Мы можем не сойтись в оценках по другим вопросам, но здесь у нас общая цель – минимизировать вред от этого социального зла. Полностью искоренить мошенничество невозможно, но значительно снизить ущерб для людей мы обязаны», – подчеркнул он.

Он напомнил, что в прошлом году была создана Лаборатория современных финансовых технологий, в центре внимания которой – вопросы поведенческой экономики, изучение поведения потребителей в условиях цифровизации и платформенной экономики, связанные с этим вопросы информационной безопасности, разработка методов противодействия социально-криминальной инженерии и многие другие темы, для которых нужен междисциплинарный подход.

ГАРЕГИН ТОСУНЯН: ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И БОРЬБА С МОШЕННИЧЕСТВОМ – ЭТО ВОПРОС ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ, ИНТЕРЕСОВ БИЗНЕСА И СБЕРЕЖЕНИЙ ГРАЖДАН. МЫ МОЖЕМ НЕ СОЙТИСЬ В ОЦЕНКАХ ПО ДРУГИМ ВОПРОСАМ, НО ЗДЕСЬ У НАС ОБЩАЯ ЦЕЛЬ – МИНИМИЗИРОВАТЬ ВРЕД ОТ ЭТОГО СОЦИАЛЬНОГО ЗЛА

«Это ключевой принцип нашей работы, – подчеркнул Тосунян, – мы взаимодействуем с банкирами, финансистами и учёными: в первую очередь с психологами и социологами, привлекаем и технических специалистов, потому что важнейший блок – это информационная безопасность, и, конечно, взаимодействуем с нашими государственными органами и ведомствами – у нас сегодня будет представительный состав из Банка России. Один из ключевых моментов, объединяющих все направления нашей работы – это вопрос доверия. Я заострю на этом внимание в своих выступлениях».

На первом пленарном заседании «Поведенческая экономика в цифровую эпоху: от потребителя к киберугрозам» под модерацией

Гарегина Тосуняна участники обсудили фундаментальные вопросы эволюции экономического поведения человека в условиях повсеместной цифровизации.

Академик РАН представил развёрнутый анализ развития поведенческой экономики, отметив, что классическая модель «Homo economicus» с её абсолютной рациональностью и идеальной информированностью окончательно уступила место реальному человеку, подверженному когнитивным искажениям, эмоциям и эвристикам. «Человек не просто ошибается – он ошибается системно и предсказуемо. Этим и пользуются мошенники, – отметил Тосунян. – Чем проще и незаметнее становится цифровая услуга, тем уязвимее наш рациональный выбор».

Отдельное внимание было уделено «тёмным паттернам» цифрового дизайна и экономике внимания, которые заставляют пользователей совершать спонтанные покупки и подписки, вопреки собственным интересам. «Беспшовность» услуг порождает новые риски: мошенники создают гибридные модели на стыке психологии и цифровизации, эксплуатируя не технические уязвимости, а человеческие слабости.

Карин Кнайсль, руководитель Центра G.O.R.K.I. СПбГУ, экс-министр иностранных дел Австрии, представила доклад «Сценарий блэкаута в цифровой экономике: как могут (неправильно) вести себя люди?». Она обратила внимание на хрупкость современной энергетической инфраструктуры и критическую зависимость от цифровых систем: «Цифровизация против уязвимости. По мере того, как сети становятся более автоматизированными, они сталкиваются с растущими угрозами – от кибератак до экстремальных погодных условий. Умные замки, парковки, управляемые приложениями, цифровые платёжные системы и онлайн-карты отказывают полностью, когда электричество и мобильные сети падают. Низкотехнологичные резервные системы – физические ключи, бумажные карты, наличные и механические часы – необходимы».

По её словам, уроки из сценариев блэкаутов учат главному: «Мы сделаем

электричество настолько дешёвым, что только богатые будут жечь свечи», – процитировала она Томаса Эдисона, задавшись вопросом: какие уроки следует извлечь поведенческой экономике и сторонникам повсеместной цифровизации, которые рискуют остаться без плана Б в случае чрезвычайной ситуации?

Вадим Уваров, директор Департамента информационной безопасности Банка России, представил системный анализ мер Банка России по противодействию кибермошенничеству. Он привёл данные, характеризующие масштаб проблемы и эффективность принимаемых мер: в первом полугодии 2026 года банки защитили от хищений 3,7 трлн рублей, злоумышленники похитили 14,7 млрд рублей при 34,3 млн попыток хищений. Средняя сумма потерь снизилась с 22,9 тыс. рублей в 2024 году до 15,5 тыс. рублей в первом полугодии 2026 года.

«Эффективность антифрод-систем крупных банков превышает 99%, – отметил Уваров. – Но мы впервые за восемь лет зафиксировали снижение количества операций без добровольного согласия клиентов – на 7,8% по количеству и объёму денежных средств».

Уваров подробно остановился на современных тенденциях кибермошенничества: использование технологии NFC, банкоматное и трансграничное

ВАДИМ УВАРОВ: МЫ ВПЕРВЫЕ ЗА ВОСЕМЬ ЛЕТ

ЗАФИКСИРОВАЛИ СНИЖЕНИЕ КОЛИЧЕСТВА ОПЕРАЦИЙ

БЕЗ ДОБРОВОЛЬНОГО СОГЛАСИЯ КЛИЕНТОВ – НА 7,8%

ПО КОЛИЧЕСТВУ И ОБЪЁМУ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

мошенничество, рассылка вредоносного ПО, переход от «холодных» обзвонков к продуманным целевым атакам с многоходовыми схемами, целевые атаки на участников СВО и несовершеннолетних, переход в мессенджеры и социальные сети. Он представил портрет пострадавшего – работающая женщина 25–44 лет со средним доходом, и портрет дроппера: 52% заявлений об исключении сведений из базы данных Банка России о мошеннических операциях поступает от граждан в возрасте до 25 лет.

Особое внимание было уделено новым законодательным мерам: расширению перечня признаков мошеннических переводов с 6 до 12 с 1 января 2026 года, введению «периода охлаждения» для подозрительных переводов, ограничению выдачи наличных через банкоматы при выявлении признаков мошеннической операции (не более 50 тыс. рублей в сутки на 48 часов), мерам противодействия кредитному мошенничеству с «периодом охлаждения» 4 часа для сумм от 50 до 200 тыс. рублей и 48 часов для сумм свыше 200 тыс. рублей, а также системе самозапрета на кредиты и займы.

«В 2026 году мы фиксируем рост стоимости «дроп-комплекта» до 70 тыс. рублей – это повышает издержки мошенников и делает их схемы менее рентабельными», – отметил Уваров. Он также сообщил о результатах блокировки карт и онлайн-банкинга при наличии сведений о мошенничестве от МВД России: транзакционная активность снижается в 40 раз.

Завершая выступление, Уваров представил инициативы Банка России, закреплённые в законе «Антифрод 2.0» (Федеральный закон от 26.06.2026 №210-ФЗ): возмещение кредитными организациями и операторами связи похищенных денег, если они не приняли необходимых мер противодействия; обязанность кредитных организаций возмещать клиентам деньги, похищенные в результате взлома онлайн-банка с помощью вредоносной программы; ограничение

РУСТЭМ МАРДАНОВ: ЛИЧНЫЙ ОПЫТ И БЛИЖАЙШЕЕ

ОКРУЖЕНИЕ ОПРЕДЕЛЯЮТ ФИНАНСОВЫЕ РЕШЕНИЯ

ЛЮДЕЙ СИЛЬНЕЕ ОФИЦИАЛЬНЫХ СИГНАЛОВ.

АУДИТОРИЮ НЕЛЬЗЯ РАССМАТРИВАТЬ КАК

ОДНОРОДНУЮ – НУЖНО ПОНИМАТЬ МЕХАНИЗМ

ОЖИДАНИЙ КАЖДОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ

И ПОДБИРАТЬ ПОДХОДЯЩУЮ КОММУНИКАЦИЮ

количества банковских карт у одного человека; информационный обмен в ГИС «Антифрод» с операторами связи.

Рустэм Марданов, начальник ГУ Банка России по Центральному федеральному округу, член Совета директоров Банка России, представил доклад «**Инфляционные ожидания и поведенческая экономика: направления практического применения и региональные проекты**». Он подчеркнул, что для Банка России поведенческая экономика важна в контексте снижения инфляционных ожиданий и сближения их с целью по инфляции – вблизи 4%. «Устойчивые ценовые ориентиры населения и бизнеса повышают эффективность денежно-кредитной политики», – отметил Марданов.

Он привёл цитату Бена Бернанке: «Денежно-кредитная политика – это 98% слов и лишь 2% действий», подчеркнув, что коммуникация имеет значение, сопоставимое с решением по ключевой ставке. Марданов представил региональные проекты Банка России по замерам инфляционных ожиданий в регионах ЦФО, охватывающие 5 регионов с ежемесячным мониторингом до 10 тысяч человек. «Личный опыт и ближайшее окружение определяют финансовые решения людей сильнее официальных сигналов. Аудиторию нельзя рассматривать как однородную – нужно понимать механизм ожиданий каждой социальной группы и подбирать подходящую коммуникацию», – резюмировал он.

ДМИТРИЙ УШАКОВ: В УСЛОВИЯХ КРИЗИСОВ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ НЕДОСТОВЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ ДОВЕРИЕ К ИНСТИТУТАМ И ОФИЦИАЛЬНЫМ ЗАЯВЛЕНИЯМ СТАНОВИТСЯ КРИТИЧЕСКИ НИЗКИМ, ЧТО СОЗДАЁТ БЛАГОПРИЯТНУЮ ПОЧВУ ДЛЯ МАНИПУЛЯЦИЙ

Второе пленарное заседание «Архитектура доверия: инструменты формирования ответственного поведения» открылось докладом Гарегина Тосуняна, посвящённым пяти факторам формирования доверия на финансовом рынке.

Академик привёл данные исследования НАФИ: индекс NPS (лояльность клиентов банков) в 2026 году составил 59 пунктов – исторический максимум, за 10 лет доверие к банкам выросло с 67% до 77%. Однако, как подчеркнул Тосунян: «Лояльность не означает доверия. Лояльность на самом деле может быть вынужденной, от отсутствия выбора и конкуренции. Есть проблемы, которые мы обязаны видеть, и которые напрямую влияют на уровень доверия».

Он отметил сохраняющиеся проблемы: значительная волатильность

национальной валюты и высокая инфляция, доходность только двух финансовых инструментов для частных инвесторов превысила уровень официальной инфляции за 7 лет, сохраняются практики мисселинга, доля вкладов сроком более 1 года сократилась в 2 раза за последние 5 лет.

Тосунян представил пять факторов формирования доверия:

1. Макроэкономический базис и денежно-кредитная политика (вера в цифры) – доверие макропоказателям, стабильность национальной валюты, справедливость тарифов и конкуренция.

2. Институциональная защита и «правила игры» (вера в систему) – эффективность системы страхования вкладов, независимость судебной системы, защита прав миноритариев.

3. Прозрачность рыночной инфраструктуры (вера в правила) – прозрачность ценообразования, доверие к рейтинговым агентствам и аудиторам, понятность финансовых инструментов.

4. Клиентский опыт и этика поведения – отсутствие мисселинга, финансовая кибербезопасность, качество сервиса и скорость решения проблем.

5. Социальный капитал и репутация – доверие к финансовым советникам и блогерам, репутация и «сарафанное радио», объективность СМИ.

С докладами также выступили директор Института психологии РАН, академик РАН **Дмитрий Ушаков** и член-корреспондент РАН, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН **Михаил Черныш**.

В своих выступлениях они затронули фундаментальную проблему доверия как ключевого фактора устойчивости общества. По мнению экспертов, доверие сегодня перестаёт быть абстрактной категорией, превращаясь в измеримый

**МИХАИЛ ЧЕРНЫШ: НЕДОВЕРИЕ СТАНОВИТСЯ
ЕДИНСТВЕННОЙ РАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЗИЦИЕЙ,
НО ПРИ ЭТОМ ОНО БЛОКИРУЕТ СТИМУЛЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ
И НЕ СПОСОБСТВУЕТ СУБЪЕКТИВНОМУ ОЩУЩЕНИЮ
БЛАГОПОЛУЧИЯ, ОСТАВЛЯЯ ОТКРЫТЫМИ КЛЮЧЕВЫЕ
ВОПРОСЫ О БУДУЩЕМ**

ресурс, от которого напрямую зависит как эффективность экономических институтов, так и способность граждан противостоять деструктивным воздействиям.

Академик Ушаков отметил, что в условиях кризисов и распространения недостоверной информации доверие к институтам и официальным заявлениям становится критически низким, что создаёт благоприятную почву для манипуляций. Он отмечал, что попытки нагнетания страха и тревоги без понятных и вызывающих доверие инструкций к действию приводят к обратным результатам, подрывая способность общества к рациональному диалогу. Вместо этого, по его мнению, необходима опора на авторитет значимых людей, лидеров общественного мнения и учёных, что позволяет менять установки через доверие, а не через принуждение.

Член-корреспондент РАН Михаил Черныш, в свою очередь, обратил внимание на то, что Россия характеризуется как общество с низким уровнем институционального и межличностного доверия, где недоверие распространено на всех уровнях – от микро- до макро-уровня. Он связывает это с историческим опытом, последствиями 1990-х годов и разочарованием в невыполненных обещаниях. По его оценке, недоверие становится единственной рациональной позицией, но при этом оно блокирует стимулы для развития и не способствует субъективному ощущению благополучия, оставляя открытыми ключевые вопросы о будущем.

Важно отметить, что работа в этом направлении ведётся не только в рамках конференции. Гарегин Тосунян, Дмитрий Ушаков и Михаил Черныш уже несколько лет участвуют в деятельности **Национального исследовательского института Доверия, Достоинства и Права**, учреждённого в конце 2019 года. Цель института – многогранное изучение вопросов, которые влияют на развитие доверия в обществе, повышение ответственности и чувства собственного достоинства

граждан, а также формирование уважения друг к другу. Ушаков и Черныш входят в число ключевых участников заседаний института и «Рабочих завтраков у Тосуняна», где эти проблемы обсуждаются на регулярной основе.

По итогам конференции участники отметили, что накопленный научный и экспертный материал готовится к публикации в виде отдельной программы, которая должна предложить системный подход к формированию и укреплению доверия как основы ответственного поведения в цифровой экономике.

Доклад **Ван Цяна**, профессора Лаборатории азиатских экономических исследований СПбГУ был посвящён теме «Война выиграна – почему утрачивается историческая правда? От "Списка Шиндлера" к когнитивному суверенитету: как индустриальный базис защищает историческую память». Исследователь представил подробный анализ того, как нарративные рамки, формируемые культурной индустрией, могут подменять исторические факты. На примере фильма «Список Шиндлера» он показал три «подмены»: подмену субъекта спасения (коллективное военное освобождение Красной армией → личный нравственный поступок Шиндлера), подмену образа освободителя (советский офицер как фон → размывание образа), подмену

политического смысла (геополитика → общечеловеческий нарратив).

«Постоянное воспроизведение превращает нарратив в точку входа в историческую память. Конкуренция нарративного потенциала – по сути, конкуренция потенциала культурной индустрии, – отметил Ван Цян. – Изменения нарративного потенциала укоренены в изменениях экономической базы и промышленного потенциала».

Он привёл данные о падении реального ВВП России на 42,6% за 1991–1998 годы, что привело к сокращению бюджетов, оттоку кадров, спаду культурного производства и сокращению международного распространения. «"Ловушка сравнительных преимуществ": ставка на экспорт ресурсов по статическим преимуществам надолго закрепляет экономику в нижних звеньях цепочки стоимости», – подчеркнул исследователь.

Ван Цян сформулировал тезис: «Истина – лишь в пределах пушечного выстрела». Критерии истинности обеспечиваются доказательствами, методом, логикой и открытой проверкой; условия обеспечения – архивами, научными учреждениями, безопасностью людей и непрерывным распространением. «Реиндустриализация восстанавливает способность сохранять, проверять и рассказывать собственную историю», – резюмировал он.

Сохаг Каз, руководитель Центра эконометрики и бизнес-аналитики СПбГУ, представил доклад «Налоговые системы и их распределительные эффекты». На основе анализа данных по 12 странам за 1991–2019 годы он показал, что переход к плоской шкале налогообложения приводит к росту концентрации доходов у топ-0,001% и топ-0,01%, снижению доли среднего класса 40%) и отсутствию статистически значимого выигрыша для нижних 50%. «Плоская шкала может стимулировать работу, инвестиции и соблюдение законодательства, но она же увеличивает неравенство доходов», – отметил Сохаг.

Он представил хронологию изменения подоходного налога в России: переход к плоской шкале 13% в 2001 году, возврат к прогрессивной шкале с 1 января 2021 года 15% для доходов свыше 5 млн рублей), расширение прогрессивной шкалы с 1 января 2025 года 13% до 2,4 млн рублей, 15% от 2,4 до 5 млн, 18% от 5 до 20 млн, 20% от 20 до 50 млн, 22% свыше 50 млн).

Панельная дискуссия «Платформы в эпоху поведенческой экономики» под модерацией Людмилы Пресняковой, советника руководителя Службы по защите прав потребителей Банка России, объединила представителей крупнейших цифровых платформ и страхового сообщества.

Иван Пужайкин, заместитель директора направления налоговых рисков и правового сопровождения финансовых сервисов Wildberries (RWB), представил доклад «Поведение групп на цифровых платформах: механизмы координации и обратной связи». Он отметил, что современные платформы выполняют не просто функцию соединения спроса и предложения, а координируют участников через правила ранжирования, комиссий, отзывов и стандартов обслуживания. «Платформа координирует участников, а не просто соединяет спрос и предложение. Правила ранжирования, комиссий, отзывов и стандартов обслуживания задают стимулы

и распределяют внимание между продавцами», – подчеркнул Пужайкин.

Он описал механизмы формирования доверия через сигналы: обратную связь от покупателей, отзывы и «усреднение» мнений, систему мотивации (баллы за отзывы). «Покупатели принимают решения за секунды, выбор опирается на рейтинг, отзывы и популярность продукта. Продавцы адаптируются к алгоритмическим стимулам, синхронизируя свои действия с другими участниками платформы без прямого взаимодействия», – отметил он.

Галина Владельщикова, заместитель директора по корпоративному бизнесу Филиала в СПб – вице-президент СПАО «Ингосстрах», представила доклад «Как платформенная экономика меняет страхование». Она показала трансформацию роли платформы от простого канала дистрибуции к новой модели страхования, где продукт, дистрибуция и клиентский путь проектируются как часть экосистемы предпринимателя.

«Платформа перестаёт быть только каналом доступа к аудитории. Страхование появляется в контексте операции или бизнес-процесса, где возникает риск», – отметила Владельщикова. – Предпринимателю не нужен большой выбор – ему нужен понятный выбор в отношении конкретного риска».

Она сформулировала ключевые противоречия новой модели: чем ниже когнитивная нагрузка, тем выше риск снижения осознанности выбора; единый клиентский опыт сочетается с фрагментированной ответственностью участников; платформа всё сильнее влияет на профиль рисков, что повышает ожидание ответственности; страховщик становится зависим от платформы в части данных. «Где граница между упрощением выбора и управлением выбором? Кто отвечает за результат, который создаёт вся экосистема?» – эти вопросы были вынесены на обсуждение.

Панельная дискуссия «Предсказание и предотвращение: поведенческая аналитика в борьбе с финансовым

мошенничеством» под модерацией **Олега Скворцова**, председателя правления АРБ, сотрудника Лаборатории современных финансовых технологий СПбГУ, стала одной из самых насыщенных и практически ориентированных сессий конференции.

Скворцов открыл дискуссию тревожной статистикой: **социально-криминальная инженерия в России остаётся главным инструментом кибермошенников в банковской сфере (доля до 97% всех успешных атак на граждан)**. Преступники сместили фокус с технологического взлома на «человеческий фактор» и психологические манипуляции.

«Чем сильнее банки укрепляют системы информационной безопасности, тем изощрённее мошенники взламывают пользователей – их эмоции, когнитивные искажения и базовые инстинкты», – подчеркнул Скворцов. – Системы безопасности банков защищают каналы связи, но не могут защитить волю человека».

Он привёл данные о динамике объёмов операций без согласия клиентов: с 8,1 млрд рублей в 2019 году до 29,3 млрд рублей в 2025 году и 14,7 млрд рублей за первое полугодие 2026 года. Во втором квартале 2026 года количество зафиксированных атак с использованием социальной инженерии выросло на 49,75% по сравнению с первым кварталом (до 28 678 инцидентов).

Сергей Кузнецов, управляющий Отделением по Рязанской области ГУ Банка России по ЦФО, представил результаты работы **Межведомственной рабочей группы по вопросам противодействия преступлениям, совершаемым с использованием приёмов и методов социальной инженерии**, в состав которой вошли представители Банка России, АРБ, СПбГУ, Финансового университета при Правительстве РФ, Росфинмониторинга, Прио-Внешторгбанка, Прокуратуры Рязанской области, УМВД и УФС России по Рязанской области.

Кузнецов привёл данные опросов Банка России: осведомлённость

о правилах безопасного финансового поведения не является гарантией защиты – 40% жертв мошенников в 2024 году и 33% в 2025 году не вспомнили о правилах безопасного финансового поведения при контакте со злоумышленником. «Сегментация пострадавших с применением МЕСЕ-метода позволила выделить 5 профилей жертв мошенников. Профили – основа, на которой должна строиться адресная работа с населением», – отметил он.

В 2026 году рабочая группа подготовила методические рекомендации по разработке дифференцированного контента для информирования потребителей финансовых услуг на основе поведенческих профилей жертв мошеннических действий, провела обучение сотрудников кредитных организаций, создала обучающий видеоролик «Профилактика мошенничества: работа с клиентами».

Начальник отдела информации и общественных связей Росфинмониторинга Ирина Рязанова рассказала, что в первом полугодии 2026 года объемы подозрительных операций по счетам несовершеннолетних

сократились в семь раз. Количество несовершеннолетних участников подозрительных операций снизилось в 2,5 раза.

«Наши коллеги из Международного учебно-методического центра финансового мониторинга совместно с Национальным агентством финансовых исследований провели социологические исследования. Они задавали вопрос, что побуждает молодых людей участвовать в сомнительных схемах. И в основном это финансовый мотив, то есть лёгкие деньги», – рассказала Ирина Рязанова.

По словам Ирины Рязановой, 75% вовлечённых в дропперство занимались этим осознанно и понимали последствия. «Часть ребят, кто вовлечён в криминальные схемы, понимает, что поступает как минимум плохо и неправильно, и что их участие может кому-то принести вред. То есть это выбор, который лежит в области морали», – отметила она. Также Ирина Рязанова добавила, что ведомство проводит олимпиады, конкурсы и другие мероприятия для молодёжи в целях профилактики дропперства.

Ольга Медяник, заместитель научного руководителя Лаборатории современных финансовых технологий СПбГУ, представила **алгоритм противодействия мошенничеству, формирующий «когнитивный буфер» критического мышления**. Она объяснила, почему умные люди действуют автоматически под давлением мошенников, с точки зрения нейробиологии: под давлением мозг экономит энергию для быстрой реакции на мнимую угрозу (когнитивная скупость); критическое мышление блокируется не из-за глупости, а из-за перехода в «горячее висцеральное состояние»; люди реагируют по-разному, но триггеры мошенников универсальны и бьют точно в цель – авторитет, страх потери, срочность, дефицит времени.

«Когнитивный буфер – это осознанная или искусственно созданная пауза между внешним стимулом и действием. Эта критическая секунда промедления охлаждает эмоции и физически прерывает автоматический паттерн подчинения, возвращая контроль Системе 2», – пояснила Медяник.

Медяник также сформулировала три адресных рекомендации:

человеку – остановиться и проверить через независимый канал; **образованию** – регулярно проводить реалистичные симуляции (prebunking); **сектору** – внедрять безопасные паузы (UX-трение) в критические операции. «Пауза – это первый рубеж защиты», – резюмировала она.

Игорь Моисеев, руководитель пресс-службы НБКИ, представил доклад **«Знай своего кредитора: почему осторожность нужна не только при разговоре с потенциальным мошенником»**. Он подчеркнул, что правила защиты от мошенников стали привычными – сбрасывать звонки, не раскрывать данные, проверять кредитную историю, следить за ПКР – но осторожность нужна и при выборе реального кредитора.

Моисеев привёл данные о доле одобренных заявок по диапазонам ПКР: при ПКР 1–250 одобряется 4,7% заявок, 250–500 – 13%, 500–750 – 38,8%, 750–1000 – 47,5%. «Чем выше ПКР, тем больше возможностей у заёмщика при прочих равных условиях», – отметил он.

Он также представил данные об уровне одобрения заявок: банки одобряют примерно 22% заявок, МФО – около 38%, что связано с ужесточением подходов к оценке заёмщиков. Моисеев рекомендовал работать с одним и тем же банком, в первую очередь – с банком, на карту которого приходит зарплата: «Банк видит доход, знает операции, меньше риск блокировки. Шансы на одобрение кредита могут повыситься на 20–30%».

Дина Бесчастных, руководитель направления Департамента разработки продуктов и клиентского сервиса АО АКБ «Новикомбанк», рассказала о методических и практических наработках, которые уже реализованы по этой теме в рамках кредитной организации.

Мавзуна Гафорова, начальник отдела фрод-мониторинга и претензионной работы АКБ «Фора-банк» (АО), представила доклад **«Разрыв между детекцией и защитой: почему антифрод видит мошенничество, но не всегда**

может изменить решение клиента». Она сформулировала ключевую дилемму: «Как предотвратить ущерб, не подменяя волю клиента и не выходя за пределы правовых полномочий?»

Гафорова описала парадокс ОБДС (операций без добровольного согласия): у банка есть обязанность защищать, но не всегда есть право останавливать. Клиент подтверждает платёж под воздействием страха, срочности, ложного авторитета, «безопасного счёта»; антифрод обнаруживает риск (новое устройство, нетипичная сумма, новый получатель, необычная последовательность); но если получатель отсутствует в фидах ФинЦЕРТ, и клиент подтвердил платёж, банк обязан исполнить операцию.

«Банк должен предотвращать мошенничество – и одновременно уважать и исполнять подтверждённое распоряжение клиента, – отметила Гафорова. – Банк обязан выявлять признаки риска, предупреждать клиента, приостанавливать там, где это предписано. Но банк не всегда вправе блокировать любую нетипичную операцию, отменять подтверждённое распоряжение без основания, подменять волю добросовестного клиента».

Она описала **«ловушку ожиданий»**: банк рискует при любом варианте действий. Пропустил операцию – «Почему антифрод не увидел риск?»; ограничил легитимную операцию – «Почему банк не дал распорядиться своими деньгами?»; предупредил, клиент подтвердил – «Почему предупреждение не остановило клиента?». «Техническое исполнение процедуры не всегда воспринимается как реальная защита клиента», – констатировала она.

Гафорова сформулировала запрос банковского сообщества: сформировать единые подходы к документированию и оценке защитных действий банка при спорных переводах; при оценке ответственности учитывать не только ущерб, но и качество защитных действий банка, а также поведение клиента и его информированное решение; предоставить банку возможность вре-

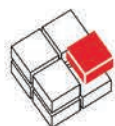
менно приостановить операцию/ДБО при выявлении совокупности признаков внешнего психологического воздействия на клиента – с последующей независимой верификацией и уведомлением клиента. «Банк должен иметь возможность показать не только факт предупреждения, но и качество принятой защиты», – подчеркнула она.

Главный вывод Гафоровой: «Банк не может блокировать всё. Но банк обязан делать всё возможное и законное, чтобы клиент не стал жертвой мошенников. Детекция → объяснение → контакт → безопасное решение».

Михаил Волков, первый заместитель председателя правления Приоритетного банка, президент ассоциации «Рязанский Банкирский Дом», член Совета АРБ, принял участие в дискуссии, подчеркнув необходимость консолидации усилий банковского сообщества, регулятора и правоохранительных органов в противодействии социальной инженерии.

В рамках сессии был продемонстрирован обучающий видеоролик «Профилактика мошенничества: работа с клиентами», – совместная работа Межведомственной рабочей группы, который уже получил высокую оценку участников финансового рынка.

Завершил первый день работы конференции круглый стол «Архитектура финансового выбора: как наджинг формирует финансовые решения» под модерацией Ольги Медяник. В дискуссии приняли участие Мария Гагарина, профессор кафедры психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве РФ; Ольга Дейнека, профессор кафедры политической психологии СПбГУ; Ольга Лаврентьева, научный сотрудник Лаборатории финансовой грамотности МГУ; Карина Лобанова, руководитель «АРК»; Ольга Садовщикова, представители Службы по защите прав потребителей Банка России; Мария Рыжкова, заведующая Лабораторией психологической и финансовой безопасности человека в цифровом мире ТГУ (онлайн).

**ОТКРЫТЫЕ
СИСТЕМЫ**

СОЗДАЕМ СОБЫТИЯ
ДЛЯ ВСЕГО ИТ-РЫНКА

1
полугодие

2027
**КАЛЕНДАРЬ
СОБЫТИЙ**

11
ФЕВРАЛЯ

КОНФЕРЕНЦИЯ

4
МАРТА

КОНФЕРЕНЦИЯ

25
МАРТА

ФОРУМ

**DATA+AI
2027**

22
АПРЕЛЯ

ФОРУМ

13
МАЯ

ПРЕМИЯ

**DATA
AWARD 2027**

ВСЕ СОБЫТИЯ НА САЙТЕ
www.osp.ru/conferences

16+
Реклама

Участники обсудили тонкую грань между «наджингом» как инструментом мягкого подталкивания к полезным финансовым решениям и манипулятивными практиками, которые ограничивают осознанный выбор потребителя. Особое внимание было уделено этическим аспектам применения поведенческих инструментов в финансовом секторе.

МОЛОДЁЖНЫЙ ДЕНЬ «АРХИТЕКТОР ФИНАНСОВОГО ВЫБОРА»

Второй день конференции был посвящён молодёжной аудитории. 10 октября в актовом зале СПбГУ прошёл Молодёжный день «Архитектор финансового выбора», объединивший научные дискуссии, практические мастер-классы и интерактивные форматы.

День открылся встречей с учёными Российской академии наук. Модератором выступил Гарегин Тосунян. Участники встречи: **Дмитрий Ушаков**, директор Института психологии РАН, академик РАН, доктор психологических наук; **Михаил Черныш**, член-корреспондент

РАН, доктор социологических наук, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ФНИСЦ РАН) ответили на многочисленные вопросы студентов, касающиеся роли науки в современном мире, использовании искусственного интеллекта.

Состоялась **панельная дискуссия НМИЦ психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России «Поведенческая аналитика в обеспечении общественной безопасности: цифровые инструменты прогнозирования и профилактики социальной напряжённости»**. Спикер – **Иван Розанов**, старший научный сотрудник отдела психопрофилактики НМИЦ ПН имени В.П. Сербского.

Прошёл **конкурс коротких видеороликов «Наджинг добра»** для школьников и студентов. Модераторы: **Ольга Медяник** и **Мария Буднякова**, управляющий партнёр компании «TeamMatrix». Номинации: «Как я вижу финансовое будущее России»,

«Финансовое мошенничество глазами молодёжи», «Поведенческая экономика в моей жизни».

Сергей Белозеров, профессор, заведующий кафедрой управления рисками и страхования СПбГУ, руководитель Центра финансовой грамотности (финансовая клиника) поздравил победителей Финансового диктанта 2026.

Панельная дискуссия Банка России «Цифровой мозг: как молодые принимают финансовые решения в эпоху ИИ» под модерацией **Людмилы Пресняковой** объединила магистрантов программы «Поведенческая экономика и экономическая психология» СПбГУ: **Максима Намазова** (специалист в сфере мировой экономики, исследователь поведенческих факторов финансового мошенничества), **Анну Канаеву** (продуктовый маркетолог, исследователь когнитивных искажений в потребительском поведении), **Александра Саушева** (экономист в сфере информационных технологий, исследователь цифровой трансформации бизнес-решений), **Полину Талалай** (бизнес-аналитик, исследователь страхования и банковских технологий).

Во второй половине дня прошла «Единая волна» – шесть параллельных мастер-классов:

1. «Академия развития компетенций». «Наджинг в финансах: искусство мягкого управления финансовыми решениями» – спикер Карина Лобанова, руководитель «АРК».

2. Проект «EchoStressAI». «Искусственный интеллект для оценки функциональных состояний в банковской сфере» – спикер Вероника Заславская, кандидат технических наук, CEO, руководитель проекта, сооснователь «EchoStressAI».

3. «От архитектуры выбора к архитектуре человека: индивидуальные различия и прогнозирование решений в эпоху ИИ» – спикер Мария Буднякова, управляющий партнёр «TeamMatrix», эксперт по поведенческой психологии, групповой психодиагностике и управлению групповой динамикой.

4. «Архитектура выбора по-китайски: наджинг между традицией и цифровым контролем» – спикер Ван Цян, профессор, руководитель Лаборатории азиатских экономических исследований СПбГУ, ведущий международный эксперт, входит в топ-2% самых цитируемых исследователей мира по версии Scopus.

5. «RWB Исследования: как пользователи платформы покупают и выбирают» – спикер Вероника Ярмук, руководитель сервиса RWB Исследования.

6. «Как начать формировать кредитную историю и повысить шансы на одобрение» – спикеры: И.Е. Моисеев, руководитель пресс-службы НБКИ («Соцсети и дропперство – что нужно знать»), И.С. Рязанова, начальник отдела информации и общественных связей Росфинмониторинга.

Завершился Молодёжный день встреч с академиком Гарегином Тосуняном (для магистрантов программ «Поведенческая экономика и экономическая психология» и «Платформенная экономика») и деловой игрой «Золотой детектор» – антифрод-симулятором Лаборатории современных финансовых технологий СПбГУ, в ходе которой участники учились распознавать мошеннические схемы и принимать решения под давлением (модератор – Никита Антонов).

Два дня дискуссий показали: научное сообщество, регулятор и банковский сектор всё отчётливее видят общие вызовы цифровой эпохи. В центре внимания оказались следующие выводы:

Человек – главная уязвимость и главный объект защиты. Технические системы безопасности достигают эффективности 99%, но мошенники переключились на эксплуатацию человеческих эмоций, когнитивных искажений и базовых инстинктов. Как отметила Ольга Медяник, «главным объектом атаки становится не только финансовый инструмент, но и сам человек – его доверие, эмоции и способность принимать решения в условиях давления».

Необходимость когнитивного буфера. Знания о правилах безопасности не работают в состоянии паники. Требуется формирование автоматического навыка паузы через prebunking, тренировки и симуляции.

Институциональная поддержка через «конструктивное трение». Банки и платформы должны встраивать безопасные паузы (UX-трение) в критические операции, создавая время для формирования когнитивного буфера.

Разрыв между детекцией и защитой. Антифрод-системы видят риск, но не всегда могут изменить решение клиента. Необходим баланс между обязанностью защитить и правом клиента распоряжаться своими средствами.

Адресная коммуникация на основе поведенческих профилей. Аудиторию нельзя рассматривать как однородную – требуется понимание механизмов ожиданий каждой социальной группы и подбор подходящих форматов, примеров и спикеров.

Общая ответственность. Защита от финансового мошенничества – это не только задача банков или регулятора, но и государства, образовательных учреждений, цифровых платформ и самого человека.

В рамках мероприятия были вручены награды АРБ: почетный знак «За заслуги перед банковским сообществом» самым активным участникам и организаторам конференции:

Виктору Титову, проректору СПбГУ;

Ольге Медяник, ведущему научному сотруднику Лаборатории современных финансовых технологий СПбГУ.

ПАРТНЁРЫ И ОРГАНИЗАТОРЫ

Организаторы конференции: **Санкт-Петербургский государственный университет** и **Ассоциация российских банков**.

Информационный партнёр – **Национальный банковский журнал (NBJ)**.

Конференция прошла при поддержке и участии ведущих научных и образовательных учреждений России, включая Институт психологии РАН, ФНИСЦ РАН, НМИЦ психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского, Финансовый университет при Правительстве РФ, МГУ имени М.В. Ломоносова, Томский государственный университет, а также представителей Банка России, Росфинмониторинга, НБКИ, крупнейших банков и цифровых платформ.

Ассоциация российских банков выражает благодарность всем участникам и партнёрам конференции и подтверждает приверженность стратегическому диалогу между наукой, регулятором и бизнесом для формирования безопасной и ответственной финансовой среды в цифровую эпоху.

Следующая конференция запланирована на 2027 год. **NBJ**

Принята резолюция II Всероссийской конференции «Поведенческая экономика и информационная безопасность: стратегический диалог»

По завершению II Всероссийской научно-практической конференции «Поведенческая экономика и информационная безопасность: стратегический диалог» принята итоговая резолюция. В ней зафиксирован ключевой вывод: в цифровой экономике безопасность человека всё в меньшей степени сводится к технологической защите систем и всё в большей – к защите самого процесса принятия решений.

ЧЕЛОВЕК КАК ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Участники конференции отмечают, что цифровизация финансовых услуг одновременно расширяет возможности граждан и увеличивает скорость, сложность и масштаб воздействия на их поведение. Финансовое решение всё чаще принимается в цифровом интерфейсе – в условиях ограниченного времени, избытка информации, эмоционального давления и высокой автоматизации.

В этой связи защита потребителя должна рассматриваться не только как защита информации, денежных средств и инфраструктуры, но и как защита процесса принятия решения. Финансовая безопасность человека включает способность распознавать риск, сопротивляться манипуляции, понимать последствия решения и иметь возможность остановиться до совершения потенциально опасной операции.

АНТИФРОД СТАНОВИТСЯ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ЗАДАЧЕЙ

Современное финансовое мошенничество всё чаще использует не технический взлом, а воздействие на человека: страх, срочность, авторитет, доверие, социальное давление, дефицит времени и информационную неопределённость. В результате антифрод перестаёт

быть исключительно технологической задачей и требует учёта поведенческих сигналов, а не только технических признаков подозрительной операции.

Отдельное внимание в резолюции уделено наджингу. С одной стороны, он способен помогать человеку откладывать средства, избегать опасных финансовых решений, своевременно обращать внимание на риски и защищаться от мошенничества. С другой – те же поведенческие механизмы могут использоваться для повышения продаж, создания искусственной срочности и формирования зависимого поведения. Ключевой вопрос, по мнению экспертов, не в том, является ли наджинг добром или злом, а в том, кто проектирует архитектуру выбора, в чьих интересах она создаётся, и насколько сохраняется свобода выбора человека.

АРХИТЕКТУРА ДОВЕРИЯ И РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Участники конференции подчёркивают, что доверие в цифровой среде не может строиться исключительно на репутации бренда или формальном наличии защитных механизмов. Потребитель должен понимать, кто предлагает ему финансовый продукт, почему предлагается именно этот вариант, какие риски с ним связаны, какие данные используются при персонализации предложения, как можно

отменить или пересмотреть принятое решение и куда обратиться при возникновении сомнений. Доверие должно создаваться через прозрачную и предсказуемую архитектуру взаимодействия.

Искусственный интеллект, по оценке экспертов, принципиально меняет масштаб поведенческого воздействия: он позволяет анализировать индивидуальные особенности поведения человека и адаптировать информационную среду под конкретного пользователя. Это создаёт значительные возможности для предотвращения мошенничества и повышения качества финансовых решений, но одновременно требует новых подходов к прозрачности, этике, ответственности и защите граждан от манипулятивных практик.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ КОНФЕРЕНЦИИ

По итогам дискуссий участники сформулировали рекомендации для государства, бизнеса, граждан и научно-образовательного сообщества.

Государству и регуляторам рекомендовано сформировать единый междисциплинарный подход к поведенческой финансовой безопасности, развивать поведенческий надзор и доказательное регулирование, а также создать единые принципы «ответственной архитектуры финансового выбора». Среди них – понятность финансовых предложений, прозрачность вариантов по умолчанию, предупреждения о рисках, дополнительные подтверждения, возможность сделать паузу и отменить ошибочное решение, сравнение альтернатив и прозрачность

персонализированных рекомендаций. Особое внимание предлагается уделить предотвращению манипулятивных интерфейсных практик, при которых цифровая среда фактически подталкивает человека к невыгодному для него решению.

Отдельно предлагается развивать защитный наджинг в борьбе с финансовым мошенничеством – механизмы, позволяющие остановить человека в наиболее рискованный момент: перед переводом денежных средств, передачей чувствительной информации или принятием решения под воздействием давления. Основной принцип: мошенник должен получать меньше возможностей для ускорения решения, а гражданин – больше возможностей для остановки и проверки.

Бизнесу, банкам, страховым компаниям и цифровым платформам рекомендовано перейти от принципа «продать продукт» к принципу «помочь принять решение», внедрять «безопасность по умолчанию», использовать поведенческую аналитику не только для маркетинга, но и для защиты клиента, а также создать внутренние стандарты ответственного наджинга и формировать антифрод-культуру внутри организаций. Цифровой интерфейс должен помогать потребителю понять последствия решения, а не только ускорять совершение операции.

Гражданам предложено воспринимать финансовое решение как процесс, а не как мгновенную реакцию, не принимать решения под воздействием срочности и страха, проверять источник независимо от канала связи и формировать личную «паузу безопасности»: «Если меня торопят с финансовым решением – я сначала проверяю, потом

действую». Отмечается, что гражданину недостаточно знать правила – необходимо уметь распознавать собственные эмоциональные реакции, когнитивные искажения, влияние авторитета, дефицита времени и социальной среды.

Научному и образовательному сообществу рекомендовано продолжить формирование единого исследовательского поля на стыке экономики, психологии, социологии, права, информационной безопасности, анализа данных и искусственного интеллекта. Особое внимание предлагается уделить исследованию поведенческих моделей финансового мошенничества, изучению эффективности различных защитных надзей, разработке методов оценки архитектуры цифрового выбора, исследованию влияния ИИ на финансовое поведение, изучению поведения различных возрастных и социальных групп, а также подготовке специалистов нового типа.

ПЯТЬ ПРИОРИТЕТНЫХ ИНИЦИАТИВ

Участники конференции считают целесообразным сосредоточить совместную работу в ближайший период на пяти направлениях:

1. «Безопасный выбор» – разработка принципов ответственной архитектуры финансовых цифровых сервисов.

«Антифрод через поведение» – развитие поведенческой аналитики для предотвращения финансового мошенничества.

2. «Ответственный наджинг» – разработка практических и этических принципов использования поведенческих механизмов в финансовой сфере.

3. «ИИ и финансовое решение» – изучение влияния алгоритмов и персонализированных рекомендаций на поведение граждан.

4. «Молодёжная финансовая безопасность» – создание практико-ориентированных образовательных форматов по распознаванию манипуляций, цифровым рискам и ответственному финансовому поведению.

ИТОГОВАЯ ПОЗИЦИЯ

Участники конференции исходят из того, что будущее финансовой и информационной безопасности определяется не только развитием технологий, но и тем, насколько грамотно выстроено взаимодействие человека с этими технологиями.

«Нельзя эффективно защищать человека, не понимая закономерностей его поведения. Нельзя формировать доверие, не обеспечивая прозрачность среды выбора. Нельзя противостоять современному финансовому мошенничеству, игнорируя психологические и поведенческие механизмы воздействия. Нельзя говорить об ответственном использовании искусственного интеллекта, не обсуждая влияние алгоритмов на человеческие решения», – говорится в резолюции.

Главная задача следующего этапа, по мнению участников, – перейти от обсуждения поведенческих механизмов к созданию такой архитектуры цифровой среды, в которой безопасный, ответственный и осознанный финансовый выбор становится для человека естественным и наиболее доступным.

Участники конференции подтверждают готовность продолжить совместную работу над научными исследованиями, образовательными программами, практическими инструментами, профессиональными стандартами и предложениями для органов государственной власти и финансового рынка.

Банки станут налоговыми агентами по вкладам: изменит ли это рынок депозитов

Текст: Оксана ДЯЧЕНКО

Правительство предлагает изменить механизм налогообложения процентов по банковским вкладам: НДФЛ планируется удерживать непосредственно при выплате процентного дохода, а необлагаемый лимит рассчитывать с учётом максимальной ключевой ставки предыдущего года. Для банков это означает новую технологическую и операционную нагрузку, для вкладчиков – потерю возможности некоторое время распоряжаться всей суммой процентов, а для депозитного рынка – ещё один фактор, который придётся учитывать в борьбе за средства населения. Эксперты рассказали Национальному банковскому журналу (NBJ), насколько существенно нововведение может изменить привлекательность вкладов.

ОТ РАСЧЁТА НАЛОГОВОЙ СЛУЖБОЙ – К УДЕРЖАНИЮ БАНКОМ

Сейчас механизм устроен таким образом, что банк передаёт налоговым органам информацию о процентных доходах клиентов, а ФНС самостоятельно рассчитывает налог. Гражданин получает уведомление и уплачивает начисленный НДФЛ позднее. При этом налогом облагается не весь доход от вклада, а только сумма процентов сверх установленного необлагаемого лимита. ФНС суммирует процентные доходы гражданина по соответствующим счётам и вкладам в российских банках.

Предлагаемая схема переносит ключевую операцию на сторону банка: НДФЛ будет удерживаться при фактической выплате процентов. Для банков это принципиальное изменение. Им предстоит не просто передавать сведения о доходах клиентов, а встраивать налоговый расчёт непосредственно в процесс выплаты депозитного дохода.

По мнению кандидата экономических наук, отраслевого эксперта Ольги Горюковой, государство получит от этого прежде всего более равномерное поступление налоговых доходов.

Сегодня налог с процентного дохода за прошедший год поступает в бюджет в основном после формирования налоговых уведомлений. При новой модели платёж будет распределён во времени вместе с выплатами процентов.

«В текущих условиях бюджетного дефицита государство находится в поиске дополнительных источников поступлений доходов в федеральный бюджет», – отмечает эксперт.

Для банков же это означает необходимость серьёзной подготовки.

БАНКАМ ПРИДЁТСЯ ПЕРЕСТРОИТЬ ВНУТРЕННЮЮ КУХНЮ

Главная практическая проблема для кредитных организаций – автоматизация. Налог необходимо будет правильно определить в момент выплаты процентов с учётом параметров конкретного клиента, его доходов и действующих налоговых правил. Следовательно, банковским системам придётся учитывать не только сумму начисленных

процентов, но и величину необлагаемого дохода, особенности налоговой ставки и возможное последующее уточнение обязательств.

Горюкова считает, что банкам потребуется доработка внутренних систем, программного обеспечения и клиентских сервисов, обеспечивающих автоматический расчёт НДФЛ.

Отдельный блок – обмен информацией с ФНС и формирование корректных сведений для клиентов.

«Цена ошибки при предоставлении неверного или некорректного расчёта велика», – подчёркивает эксперт.

Причем риск для банка здесь имеет несколько уровней. Ошибка может привести к неправильному удержанию налога с клиента, необходимости корректировки информации, претензиям вкладчика и дополнительной нагрузке на обслуживание. Кроме того, возникают риски взаимодействия с налоговыми органами и контролирующими структурами.

ДЛЯ БАНКА ЭТО НЕ ТОЛЬКО РАСХОДЫ НА ИТ

Дополнительная нагрузка не ограничится единовременной перестройкой программ. Банкам придётся выстроить процессы контроля корректности расчёта, обеспечить информирование клиентов о сумме удержанного НДФЛ и предусмотреть процедуры исправления ошибок.

Важен и вопрос клиентских коммуникаций. Если раньше вкладчик видел начисление процентов, а налоговую сумму – уже в уведомлении ФНС, то теперь уменьшение фактически получаемого процентного дохода будет происходить непосредственно на банковском счёте.

Это способно изменить восприятие депозитной ставки. Например, рекламируемые 15% годовых и сумма, фактически зачисленная клиенту после налогового удержания, будут восприниматься как две разные величины. Для банков это означает необходимость более понятно объяснять клиентам, почему сумма выплаты

отличается от номинального процентного дохода.

Доцент кафедры аудита и корпоративной отчётности Финансового университета при Правительстве РФ Елена Домбровская также считает, что для банков изменения прежде всего означают расходы на настройку расчётов и дополнительную ответственность. При этом сама по себе новая процедура не делает депозит менее надёжным или юридически более сложным для клиента. Меняется именно механизм расчётов с бюджетом.

РЫНОК ВКЛАДОВ ПОЛУЧИТ ЕЩЁ ОДИН ФАКТОР КОНКУРЕНЦИИ

Гораздо интереснее потенциальное влияние новой схемы на депозитный рынок. Здесь эксперты расходятся в оценках.

Ольга Горюкова считает, что изменение механизма может усилить отток средств из срочных депозитов. По её словам, на рынке уже наблюдаются факторы, способные стимулировать вкладчиков выводить деньги из банков, в том числе изменение доходности депозитов на фоне смягчения денежно-кредитной политики. В этой ситуации дополнительное изменение налогового режима может стать для части клиентов аргументом в пользу поиска альтернатив.

«Есть основания полагать, что новые меры в отношении получения НДФЛ с процентов по вкладам будут ещё больше стимулировать вкладчиков забирать свои деньги из банков», – считает эксперт.

Однако аналитик Freedom Global Владимир Чернов не ожидает сильного оттока вкладов именно из-за нового порядка. По его мнению, вкладчики прежде всего реагируют на уровень процентных ставок и инфляцию. Налоговый механизм имеет значение, но вряд ли станет главным фактором принятия решения о размещении денег в банке.

Схожую позицию занимает Елена Домбровская. По её оценке, массового отказа от депозитов не произойдёт,

поскольку привлекательность продукта определяется прежде всего доходностью и надёжностью.

ИСЧЕЗНЕТ ЧАСТЬ «БЕСПЛАТНОЙ» КАПИТАЛИЗАЦИИ

Один из наиболее заметных для рынка эффектов связан не с размером налога, а со временем, когда деньги будут изъяты из распоряжения вкладчика. При действующей модели налог уплачивается позже. Следовательно, между получением процентов и перечислением налога существует временной интервал, в течение которого вся сумма процентного дохода остаётся у клиента. Если проценты капитализируются или переводятся на другой доходный инструмент, эта сумма продолжает работать. При удержании НДФЛ банком часть процентов сразу будет направляться в бюджет.

По мнению Горюковой, это негативный момент для вкладчиков: они лишаются возможности некоторое время использовать всю сумму процентного дохода для дальнейшего размещения.

Домбровская также указывает на исчезновение отсрочки. А Чернов формулирует эффект через капитализацию: вкладчик потеряет возможность до срока уплаты налога повторно размещать всю сумму процентов.

Для депозитного рынка это означает потенциальное снижение эффективной доходности продуктов с частой выплатой и капитализацией процентов.

Особенно заметным эффект может быть для клиентов, которые используют стратегию постоянного реинвестирования: получили проценты – добавили их к накоплениям – снова разместили средства. Теперь часть этой суммы будет изыматься раньше.

НО САМ НАЛОГ МОЖЕТ ОКАЗАТЬСЯ КАК МЕНЬШЕ, ТАК И БОЛЬШЕ

При этом важно не смешивать два разных эффекта – момент удержания и размер налога. Предлагаемая схема предусматривает расчёт необлагаемого лимита, исходя из максимальной ключевой ставки предыдущего года. Сейчас при расчёте налоговой базы используется

максимальное значение ключевой ставки, действовавшее в соответствующем налоговом периоде. ФНС поясняет, что необлагаемый доход рассчитывается как 1 млн рублей, умноженный на максимальную ключевую ставку за год. Поэтому при переходе на прошлогодний показатель возникает своего рода временной лаг.

Владимир Чернов приводит условный пример: если максимальная ключевая ставка в прошлом году составляла 20%, а в текущем – 15%, необлагаемый лимит будет рассчитываться исходя из 20%. При процентном доходе в 250 тыс. рублей и ставке НДФЛ 13% налог в таком случае составит 6,5 тыс. рублей вместо 13 тыс. рублей при лимите в 150 тыс. рублей.

То есть снижение ключевой ставки может дать вкладчику более высокий необлагаемый лимит.

Но работает это и в обратную сторону. Если ставка растёт, прошлогодний максимум может оказаться ниже текущего, а налоговая нагрузка – выше.

«Универсального выигрыша нет», – говорит Домбровская.

Следовательно, новая формула сама по себе не делает депозиты ни выгоднее, ни менее выгодными. Результат будет зависеть от траектории денежно-кредитной политики.

ДЛЯ БАНКОВ ЭТО ЕЩЁ И ВОПРОС ПРОДУКТОВОЙ ПОЛИТИКИ

Изменение налогового механизма может подтолкнуть банки к пересмотру структуры депозитных предложений.

Если клиент начинает смотреть не на номинальную ставку, а на чистый доход, конкурентоспособность продукта будет зависеть от того, когда начисляются проценты, как часто они выплачиваются и предусмотрена ли капитализация.

В условиях одинаковой номинальной ставки вклад с выплатой процентов в конце срока и продукт с регулярной выплатой могут восприниматься клиентом иначе после учёта налогового эффекта. Банкам придётся учитывать это в продуктовой аналитике. Речь идёт не обязательно о снижении ставок.

Скорее, изменится значение отдельных параметров депозитов, которые раньше могли восприниматься как второстепенные.

Для клиента становится важнее вопрос: сколько денег реально останется на счёте после выплаты процентов и налогового удержания, и какую сумму он сможет вновь разместить.

НЕОБЛАГАЕМЫЙ ЛИМИТ СТАНЕТ БОЛЕЕ ПРЕДСКАЗУЕМЫМ

При этом новая формула имеет и положительную для рынка сторону. Привязка необлагаемого лимита к максимальной ставке предыдущего года позволяет заранее понимать его размер на текущий период.

Чернов отмечает, что это делает налоговый расчёт более предсказуемым для банков и клиентов.

Кредитная организация сможет заранее заложить соответствующие параметры в расчётные системы, а вкладчик – понимать потенциальную величину необлагаемого дохода. Это особенно важно для банковских ИТ-систем: при заранее известном параметре проще автоматизировать расчёты и тестировать программное обеспечение до начала нового налогового периода. Однако окончательная сумма обязательства клиента всё равно может потребовать дополнительного расчёта, если у него есть несколько банковских продуктов.

Если проценты получаются в разных банках, совокупный доход учитывается в налоговой системе. Поэтому удержание налога одним банком не означает, что именно эта сумма окончательно закрывает налоговые обязательства клиента.

В 2027 ГОДУ РЫНОК ПРОЙДЁТ ЧЕРЕЗ ДВОЙНОЙ РЕЖИМ

Особое значение для банков будет иметь переходный период. Налог за процентный доход 2026 года будет рассчитываться по существующей модели. ФНС уже сейчас разъясняет, что налог за предыдущий год рассчитывается на основании сведений, поступающих от банков, а гражданин получает уведомление и уплачивает сумму

до 1 декабря следующего года. Одновременно доходы, получаемые уже в 2027 году, планируется переводить на новую схему. Для банков это означает необходимость фактически обслуживать две логики расчёта на переходном этапе.

Горюкова считает, что для граждан 2027 год окажется особенно заметным: налог за доход 2026 года они будут платить по старой схеме, а НДФЛ с процентов, полученных в 2027 году, начнёт удерживаться непосредственно при выплате.

Для кредитных организаций переходный период, соответственно, станет временем повышенной нагрузки на ИТ, бухгалтерские и налоговые процессы.

РЫНОК НЕ ПОТЕРЯЕТ ВКЛАДЫ ТОЛЬКО ИЗ-ЗА НДФЛ

В итоге влияние нововведения на депозитный рынок, вероятно, окажется неоднородным. Для банков очевидны дополнительные расходы на программную адаптацию, тестирование, контроль и клиентские коммуникации. Кроме того, возрастает цена операционной ошибки.

Для клиентов изменится денежный поток: процентный доход будет поступать уже за вычетом удержанного налога.

Для рынка главным последствием может стать изменение критериев сравнения депозитов. Номинальная ставка перестаёт быть достаточным ориентиром – вкладчику придётся оценивать чистый процентный доход и условия капитализации.

При этом эксперты не видят оснований ожидать автоматического массового ухода населения из банков. Чернов и Домбровская считают, что ключевыми факторами останутся доходность и надёжность депозитов. Горюкова допускает усиление оттока на фоне уже существующего давления на срочные вклады.

Поэтому решающим для рынка останется не сам факт изменения налогового механизма, а сочетание трёх параметров: уровень депозитных ставок, динамика ключевой ставки и налоговая нагрузка на процентный доход. **NBJ**

2

Банки и бизнес

ДИСКУССИЯ

**Многополярный мир:
Взгляд с «Рабочего завтрака у Тосуняна»**

30

56

Жить в долг
Власти и центробанки ищут
возможности ослабить бремя
государственных заимствований

БАНКОВСКИЙ SOC

Банковский SOC: между автоматизацией и ответственностью

Текст: Оксана ДЯЧЕНКО

Современный SOC перестал быть просто системой, которая собирает и сортирует многочисленные события информационной безопасности. Для банка это уже полноценный элемент инфраструктуры, от которого зависит скорость обнаружения и расследования атак, взаимодействие подразделений и способность организации быстро реагировать на инциденты. Но чем сложнее становится банковская ИТ-среда, тем труднее провести границу между автоматизацией и работой человека. Особенно остро эта проблема проявляется там, где рядом существуют многолетние legacy-системы, микросервисы, Kubernetes, собственный SOC и внешний сервис-провайдер. Участники видеоподкаста «Банковский SOC» Национального банковского журнала (NBJ) и Ассоциации ФинТех, который прошёл 22 сентября, обсудили, каким должен быть современный SOC в финансово-кредитной организации, и почему автоматизация без выстроенных процессов способна не ускорить, а затормозить реагирование.

Участники подкаста:

Ведущий: Александр ТОВСТОЛИП,
руководитель Управления информационной
безопасности, Ассоциация ФинТех;
Константин МУШОВЕЦ, директор УЦСБ SOC;
Евгений ГУЛЯЕВ,
руководитель отдела поддержки продаж, R-Vision;

Евгений КАНТЫШЕВ,
руководитель группы аналитики
и операционного развития, Solar;
Виталий ГЛИНСКИЙ,
руководитель Центра противодействия
кибератакам, ДОМ.РФ Банк.

От legacy до Kubernetes: современному SOC приходится работать сразу в нескольких мирах

Ещё недавно SOC во многом воспринимался как место, куда поступают логи, формируются алерты и передаются сообщения специалистам по информационной безопасности. Сегодня его роль значительно шире. Банковская инфраструктура становится многослойной: рядом с классическими системами, которые эксплуатируются десятилетиями, появляются контейнеры, микросервисы, облачные среды и постоянно меняющиеся цифровые сервисы. Поэтому и SOC должен уметь работать с принципиально разными типами инфраструктуры.

По мнению директора УЦСБ SOC **Константина Мушовца**, ключевое требование к современному SOC – способность гибко перестраиваться при появлении новых типов активов, сервисов и угроз.

«Современный SOC должен уметь быстро адаптироваться под изменяющиеся технологии», – отмечает эксперт. Даже если сегодня банк построен преимущественно на тяжёлой legacy-инфраструктуре, завтра после объединения или поглощения в его ИТ-контуру могут появиться микросервисные системы, которые потребуют совершенно иных инструментов мониторинга.

Для традиционной инфраструктуры основные инструментами остаются SIEM и решения класса обнаружения и реагирования. В микросервисной среде требуется дополнительный набор специализированных инструментов, позволяющих отслеживать постоянно изменяющееся состояние контейнеров и характерные для такой архитектуры события. При этом в обоих случаях необходимо собирать данные со средств защиты, контролировать периметр и объединять информацию из разных источников.

Но технический набор инструментов – только часть задачи. Для legacy-систем сначала необходимо понять, как именно они работают в штатном режиме, какие у них есть особенности и ограничения, какие события являются нормальными, а какие могут свидетельствовать об атаке. Только после этого можно корректно выстраивать мониторинг аномалий.

И здесь возникает важное ограничение: повышение уровня защиты не должно нарушать бизнес-процесс.

Главная проблема legacy: защищать систему, которую нельзя просто заменить

В банковской инфраструктуре до сих пор могут использоваться системы, созданные много лет назад. Иногда они настолько специфичны, что заменить их современным аналогом практически невозможно. При этом именно такие системы могут оказаться наиболее сложными для мониторинга.

Руководитель Центра противодействия кибератакам ДОМ.РФ Банка **Виталий Глинский** обращает внимание на принцип, который в отношении

подобных систем должен быть определяющим: «не навреди». В некоторых организациях за старую систему отвечает один специалист, который обладает уникальной экспертизой, а сама система может не поддерживать даже полноценное журналирование действий. В таких условиях стандартный подход к мониторингу оказывается неприменимым.

Поэтому приходится искать обходные решения – нестандартные коннекторы, сетевой мониторинг или другие механизмы, которые позволяют

получать необходимую информацию, не вмешиваясь непосредственно в работу критической системы.

Константин Мушовец согласен с тем, что legacy нельзя рассматривать исключительно как проблему, которую нужно немедленно устранить. Такие системы существуют не только в финансовом секторе: они встречаются и в промышленности, где заменить отдельные производственные комплексы просто нечем. Поэтому рекомендации по усилению информацион-

ной безопасности должны учитывать не только потенциальную угрозу, но и последствия вмешательства для бизнеса. В таких задачах особенно ценна экспертиза на стыке ИБ и инфраструктуры – она позволяет построить наблюдение вокруг системы, не вмешиваясь в критический контур.

Для SOC такой подход смещает акценты: не механически подключать к мониторингу каждый актив, а понимать конкретную инфраструктуру и постепенно повышать её защищённость.

Внешний и внутренний SOC: кто отвечает за инцидент

Ещё более сложная ситуация возникает, когда банк использует внешний SOC. На практике это позволяет получить дополнительную экспертизу, мониторинг и аналитические возможности, однако одновременно появляется риск возникновения так называемых «серых» зон: внешний SOC считает, что передал информацию заказчику, а внутреннее подразделение банка ожидает от подрядчика уже готового реагирования.

По мнению **Виталия Глинского**, здесь принципиально важно разделять ответственность и функции. Даже если банк использует внешний SOC, сервисы расследования или внешнюю экспер-

тизу по форензике, ответственность за информационную безопасность остаётся внутри банка.

«Ответственность всегда лежит на банке», – подчеркивает эксперт. Внешние сервисы становятся инструментами службы информационной безопасности, но не заменяют саму ответственность организации.

Поэтому ещё на этапе заключения договора необходимо максимально подробно определить зоны ответственности: кто обнаруживает инцидент, кто уведомляет банк, кто проводит расследование, кто принимает решение о блокировке или иных защитных действи-

ях, и кто отвечает за коммуникацию с другими подразделениями.

Здесь важны не только договорные документы, но и playbook – заранее подготовленные сценарии реагирования. Однако даже хорошо прописанная схема на бумаге не гарантирует, что в реальном инциденте всё сработает.

Поэтому, считает Глинский, взаимодействие необходимо регулярно проверять в рамках киберучений. Причём отрабатывать нужно не только технические действия, но и сам механизм взаимодействия между внешним сервисом и внутренними подразделениями банка.

Почему внешний SOC не может заменить внутреннюю команду

Руководитель группы аналитики и операционного развития Solar **Евгений Кантышев** обращает внимание на ещё одну распространённую проблему: внешний SOC зачастую воспринимают как полностью готовую службу реагирования, которая после подключения самостоятельно решит все вопросы информационной безопасности.

На практике это не так. Внешний SOC способен видеть события и анализировать доступные ему данные, однако у него зачастую нет непосредственного доступа к внутренней ИТ-инфраструктуре и возможности самостоятельно воздействовать на неё.

Кантышев сравнивает такую модель с распределением «глаз» и «рук»: внешний SOC может быть глазами снаружи, тогда как внутренний SOC обладает возможностями для действий внутри инфраструктуры.

Если между ними нет устойчивого канала коммуникации, возникает опасная ситуация. Внешний SOC обнаруживает подозрительную активность и передаёт информацию заказчику. Внутри банка в этот момент ничего необычного не фиксируется, поэтому сообщение могут отложить. Через некоторое время появляются новые артефакты, и выясняется, что перво-

начальный сигнал был частью реального инцидента. После этого стороны начинают выяснять, кто и кого должен был уведомить.

Чтобы избежать такого сценария, взаимодействие необходимо проектировать ещё до подключения технических источников. Должны быть определены конкретные сотрудники и подразделения, через которых проходят запросы, порядок эскалации и действия при различных типах инцидентов.

При этом проблема зрелости касается не только отношений между банком и внешним провайдером. **Виталий Глинский** отмечает, что аналогичные сложности могут возникать и внутри самой организации: SOC обнаруживает проблему, но подразделению ИТ или DevOps надо быть готовым быстро устранить уязвимости или другие выявленные риски.

Таким образом, единая модель ответственности нужна не только для двух SOC, но и для всех подразделений, участвующих в реагировании.

Российский SOC после ухода западных решений: что изменилось на рынке

Отдельная тема – развитие российского рынка SOC-решений после ухода крупных зарубежных поставщиков. По словам руководителя отдела поддержки продаж R-Vision **Евгения Гуляева**,

одним из главных результатов этого процесса стал рост технологического суверенитета.

За сравнительно короткое время российским разработчикам пришлось

создавать собственные решения и развивать инженерные компетенции. В результате внутри отдельных классов продуктов усилилась конкуренция, а заказчики получили возможность гораздо плотнее взаимодействовать с разработчиками. Крупный банк теперь может не просто пользоваться готовым продуктом, но и напрямую влиять на его развитие, формировать запросы к дорожной карте и получать более тесную техническую поддержку.

Ещё один плюс российских решений – их ориентация на отечественную инфраструктуру и требования к импортозамещённым системам. Как отмечает **Евгений Кантышев**, многие продукты уже изначально поддерживают

соответствующие российские источники данных, что упрощает их подключение и внедрение.

Но технологический разрыв с крупными зарубежными продуктами полностью не исчез. По словам Кантышева, российские SIEM хорошо справляются со сбором и нормализацией событий, однако пока заметно уступают по инструментам, которые непосредственно помогают аналитику расследовать сложный инцидент.

Особенно это заметно при работе с нетиповыми атаками, когда недостаточно найти отдельное событие и требуется восстановить целую цепочку действий, выстроить сложные корреляции и группировки. На решение таких

задач у аналитиков может уходить значительно больше времени.

Виталий Глинский считает этот разрыв скорее этапом развития, чем нерешаемой проблемой. Крупные зарубежные поставщики десятилетиями накапливали аналитику, создавали экосистемы и сообщества пользователей, формировали маркетинговые дополнительные решения. Российскому рынку предстоит пройти этот путь быстрее, но часть компетенций уже формируется. При этом близость отечественных разработчиков к заказчикам даёт российским банкам важное преимущество – более оперативную коммуникацию и возможность быстро влиять на развитие продукта.

Где заканчивается автоматизация и начинается аналитик

Ещё один вопрос, который становится особенно важным для банковского SOC, – насколько далеко можно зайти в автоматизации расследования и реагирования.

Современные SOAR-решения позволяют собирать информацию об инциденте, обогащать её, формировать карточку события и готовить данные для передачи

регулятору. Это существенно сокращает объём ручной работы.

По словам **Евгения Гуляева**, автоматизация может сформировать практически готовое заключение по инциденту и заполнить необходимые поля, однако финальная отправка информации регулятору, как правило, остаётся за аналитиком. Специалист должен проверить

подготовленные сведения и только после этого подтвердить передачу.

Такой подход связан не только с техническими ограничениями. Он отражает принцип персональной ответственности: автоматизированная система может подготовить данные, но окончательное решение не должно бесконтрольно передаваться машине.

Константин Мушовец отмечает, что роль SOAR усиливается по мере роста количества требований к оперативному уведомлению о кибератаках. Автоматизация нужна уже не только для отдельных действий, но и для организации всей работы SOC: обработки событий, обогащения данных, распределения задач и запуска сценариев реагирования.

При этом автоматическое реагирование постепенно становится отдельной частью инфраструктуры. В некоторых случаях банкам приходится передавать исполнение определённых действий внешнему интегратору – например, если собственным специалистам не хватает ресурсов или экспертизы.

Причина такого движения понятна: атаки становятся быстрее и масштабнее, в том числе за счёт использования искусственного интеллекта. Если человек будет вручную обрабатывать каждый сигнал, организация рискует просто не успеть отреагировать.

Но автоматизация сама по себе не является гарантией эффективности.

«Автоматизировать хаос» нельзя: сначала процессы, потом технологии

В современном SOC большое количество технологий без выстроенных процессов вместо помощи ИБ-команде способно скорее создавать дополнительную нагрузку.

Константин Мушовец подчёркивает: прежде чем автоматизировать реагирование, необходимо разобраться во внутренней инфраструктуре организации. Нужно понимать, из каких компонентов она состоит, кто отвечает за конкретные системы, как появляются новые активы, и где фиксируется информация об изменениях. Только тогда можно прогнозировать последствия автоматического действия и безопасно передавать машине часть функций.

Именно поэтому фраза ведущего подкаста Александра Товстолипа – «если автоматизировать хаос,

то получишь автоматизированный хаос» – фактически стала одним из ключевых выводов обсуждения.

Виталий Глинский, в свою очередь, предостерегает от восприятия любого средства защиты как универсального решения. Недостаточно купить технологию и установить её в инфраструктуру. Если решение неправильно настроено, оно может генерировать большое количество ложных срабатываний и, вместо помощи аналитикам, создавать дополнительный информационный шум.

«Не нужно покупать и внедрять средства защиты, надеясь, что это будет серебряная пуля», – говорит эксперт. После внедрения технологии необходимо корректировать playbook, пересматривать процессы и устранять лишний фон ложных срабатываний.

В конечном счёте эффективность банковского SOC определяется не количеством подключённых продуктов и не степенью автоматизации как таковой. Важнее то, насколько хорошо организация понимает собственную инфраструктуру, распределяет ответственность, умеет взаимодействовать между подразделениями и использует технологии там, где они действительно сокращают время реакции.

Современный SOC постепенно превращается из набора инструментов в систему управления инцидентами. И чем быстрее меняется банковская ИТ-среда, тем важнее становится способность этой системы адаптироваться – не разрушая работающие бизнес-процессы и не перекладывая ответственность с человека на технологию. **(NB)**

Многополярный мир: Взгляд с «Рабочего завтрака у Тосуняна»

«Рабочие завтраки у Тосуняна» проходят с начала 90-х годов по субботам, раз в две-три недели, в 9:00 утра, продолжительностью 3–4 часа – зимой и летом, и даже 31 декабря. В них принимают участие банкиры, представители ЦБ, Госдумы, Совета Федерации, различных ведомств, академической и вузовской науки, эксперты по финансово-банковскому профилю.

На них до недавнего времени обсуждались преимущественно проблемы экономики, финансовой сферы, нормативно-правовые акты, регулирующие эту сферу. В последние годы спектр вопросов и круг экспертов заметно расширились. Этому во многом способствовало участие в них известных учёных.

С марта 2020 года в формате «Рабочих завтраков у Тосуняна» стали проводить совместные заседания Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук РАН (НКС ООН РАН) и Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права (НИИ ДДИП). За прошедшее с апреля 2020 года время было проведено 158 «Рабочих завтраков», большинство из которых прошло в очно-заочной форме: примерно 20-25 человек очно, от 100 до 300 и более – в режиме Zoom.

НКС ООН РАН был создан в 2012 году; в сентябре 2021 года постановлением Президиума РАН преобразован в Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества ООН РАН. Сопредседатели – академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

Национальный банковский журнал (NBJ) не раз публиковал доклады и комментарии участников

«Рабочих завтраков у Тосуняна». В этом номере мы решили разместить материалы «Рабочего завтрака» от 31 мая 2025 года, посвящённого теме зарождающейся многополярности. Она предполагает наличие нескольких центров силы, которые соперничают за влияние в экономике, политике, безопасности, технологиях. Какие державы сегодня обладают наибольшим влиянием, какое место среди них занимает Россия, и как позиционирует себя в изменяющемся мире администрация Трампа.

P.S. Полностью материалы заседаний публикуются в отдельных сборниках под общей редакцией академика РАН Гарегина ТОСУНЯНА. Национальный банковский журнал (NBJ) с разрешения правообладателя публикует доклады, выдержки из наиболее интересных выступлений и комментариев участников.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Гарегин ТОСУНЯН,
академик РАН,
президент Ассоциации
русских банков

XX век – время преимущественно биполярного мира. Вся вторая половина века – это противостояние, холодная война между коалициями Советского Союза и США. В 1990-е годы после распада СССР закрепилась однополярная парадигма во главе со Штатами. Надеюсь, что сегодняшний мир движется к многополярности.

Центр сил уже не один, и не два, и не три, гораздо больше, но это пока такой формирующийся многополярный мир.

Что-то подобное было характерно и для XIX века, тогда, можно сказать, мы имели многополярность.

После Наполеоновских войн баланс установился между несколькими державами: Россией, Великобританией, Австрийской империей, Пруссией, Францией.

То есть многополярность – в некотором смысле явление для мировой истории не новое. Однако в разные периоды она проявляется по-разному, поэтому здесь сопоставление весьма условное.

Современный многополярный мир – он другой, по разным причинам: из-за стремительного развития технологий; из-за самых разных межгосударственных связей, которых в таком многообразии в прежние времена попросту не существовало; из-за того, что на протяжении длительного времени шли тенденции в сторону глобализации, а в последний период, наоборот, наблюдается стремление к откату в сторону деглобализации.

Не думаю, что глобализации, как некоторые пророчествуют, приходит конец, что это был ошибочный тренд.

Глобализация, на мой взгляд, неизбежна, её нельзя воспринимать как антоним многополярности.

Глобализация в многополярном мире имеет право на жизнь, но не под влиянием какого-то одного доминирующего государства или центра влияния.

Многополярная дифференцированная система намного сложнее.

И во многом, как раз за счёт своего сложного устройства, она приобретает большую устойчивость, чем моносистема, которая во многом проще, строится обычно по вертикали и легко сваливается из этого неустойчивого вертикального положения.

Если провести условную параллель с нашей финансовой сферой, то мы в Ассоциации неустанно продвигаем тезис о многополярности и дифференцированности применительно к финансово-банковской системе нашей страны.

Конкуренция является необходимым условием развития финансового рынка и всей экономики.

А когда мы пытаемся сконцентрировать всё в одном-двух финансовых центрах, то, с нашей точки зрения, система теряет устойчивость.

Для многополярного мира понятие конкуренции также является одним из определяющих. Конкуренция предполагает отсутствие монополии, а многополярность – отсутствие доминанты одного или двух государств.

В многополярном мире должно быть несколько позитивных центров влияния.

Они соперничают за влияние в экономике, политике, безопасности, технологиях.

И лидерами в идеале должны стать те, кто подаёт добрые примеры и предлагает лучшие версии развития, а не навязывает силовым методом подчинение исключительно своим интересам.

Однако в современных условиях конкуренция между странами пока ещё может перерасти и иногда, к сожалению, перерастает в конфронтацию.

Экономические ограничения позволяют странам оказывать давление друг на друга.

Слава Богу, хотя бы без прямого военного вмешательства.

Но это тоже не лучший способ укрепления себя.

Экономика является одним из главенствующих факторов современной многополярности, и это хорошо.

Лучше, чтобы конфликты были в экономической сфере, чем в военной.

Китай, Индия, страны БРИКС и другие развивающиеся экономики бросают вызов традиционному доминированию Соединённых Штатов.

Китай является второй экономикой мира после США, а по паритету покупательной способности обгоняет США уже в течение десяти лет.

И то, что Россия по паритету покупательной способности недавно обошла Японию и стала четвёртой страной после Китая, США и Индии, – позитивный тренд, который нельзя не отметить.

Многополярный мир – это альтернатива чьей бы то ни было гегемонии.

Многополярный мир содержиткратно больше возможностей для гармоничного развития в целом и для благополучия каждого члена общества.

Но устойчивость многополярного мира зависит от способности центров силы находить баланс между сотрудничеством и конкуренцией.

Важно, чтобы конкуренция не перерастала в региональные и мировые конфликты, а механизмы доверия, диалога и международного права имели решающее значение в отношениях между странами.

У человечества много проблем, которые до сих пор остаются нерешёнными и явно требуют международной кооперации: проблемы нищеты и бедности, неравномерного развития регионов мира, проблемы медицины (например, эпидемий), проблемы климата и многие другие.

Наиболее умные лидеры и страны должны наконец дозреть до того, что нельзя действовать эффективно в одиночку.

Ковид – очень яркий пример уровня этих рисков.

Эпидемия распространилась по всему миру: это более 770 млн подтверждённых случаев и 7 млн смертей.

Я благодарен докладчикам за предложенный набор тем, но предлагаю наше обсуждение строить не только вокруг США, а несколько шире, через призму их политики, политик Евросоюза, Китая, Индии и других стран.

Предлагаю попробовать найти ответы на вопросы, актуальные и для всего мира, и для нашей страны в первую очередь: как нам укрепить свою экономическую конкурентоспособность; как усилить научный и технологический суверенитет; как занять достойное место в формирующемся многополярном мире.

ДОКЛАД

«ЭКОНОМИКА США И НОВАЯ ТРАМПОНОМИКА 2.0»

Виктор СУПЯН,
член-корреспондент РАН, доктор
экономических наук, руководитель
научного направления, главный научный
сотрудник отдела экономических
исследований Института США и Канады
им. акад. Г.А. Арбатова РАН

Начну с оценки состояния американской экономики в дотрамповский период.

Надо сказать, что Байден оставил Трампу экономику в достаточно хорошем состоянии.

Все макроэкономические показатели имели тенденцию к улучшению.

Темпы роста ВВП в США превышали темпы роста этого показателя во всех других развитых странах.

Инфляция с рекордных 6% снизилась до уровня менее 3%.

Безработица достигла практически естественного уровня – чуть выше 3%.

То есть практически всё было очень неплохо.

И прогнозы, которые делались в тот период, исходили из этого тренда.

Предполагалось, что и в обозримом будущем, если сохранится политика, которую проводили Байден и его администрация, экономика будет развиваться примерно в том же русле.

Ещё раз хочу подчеркнуть, что по всем макроэкономическим показателям Соединённые Штаты опережали все другие страны Большой семёрки (G7).

Безусловно, они уступали по этим показателям развивающимся странам, таким как Китай, Индия и некоторые другие.

Конечно, Байден оставил Трампу не только достаточно неплохие показатели экономической конъюнктуры.

Было и есть немало проблем, с которыми встретился Трамп.

И в значительной степени он, собственно, пришёл к власти, критикуя ситуацию в целом ряде сфер общественной жизни и экономики.

Какие это проблемы?

Ну, во-первых, огромное социальное неравенство в стране, которого нет в других развитых странах.

По оценке бюджетного управления Конгресса США, в Америке 1% самых богатых американцев имел доходы, в 140 раз превышающие доходы 20% домохозяйств американцев с наиболее низкими доходами.

То есть разрыв – совершенно колоссальный.

Коэффициент Джини, отражающий дифференциацию населения Америки, является одним из самых высоких в мире.

Серьёзной угрозой экономической и бюджетной стабильности США является рост государственного долга.

Он выступает предметом постоянных разногласий между исполнительной и законодательной властью страны, между демократами и республиканцами.

Здесь я хотел бы сразу сделать оговорку.

Не считаю, что проблема государственного долга является ключевой, наиболее серьёзной проблемой для американской экономики, как считают некоторые наши эксперты.

Покуда экономика успешно обслуживает государственный долг, осуществляет текущие и процентные платежи, я думаю, что этот огромный долг, скорее, отражает силу американской экономики, приток свободных финансовых ресурсов со всего мира, которые вкладываются в американские облигации казначейства.

Но при этом разногласия между республиканцами и демократами по поводу потолка государственного долга тем не менее часто приводят к ситуации, которая называется шатдаун, когда не принято решение и нет реальных денег для того, чтобы выполнять текущие обязательства.

Американцы уже более 20 раз были в ситуации такого шатдауна. И это, конечно, подрывает репутацию страны в сфере международных инвестиций и вообще ставит под сомнение её надёжность как партнёра.

Это проблема.

И она заключается не в том, что надо срочно отдавать эти долги, а в том, что возникают текущие сложности, связанные с этим долгом.

Кроме того, достаточно сильно выросли процентные платежи.

Раньше они составляли незначительную часть бюджета.

А в 2023 году, например, процентные платежи бюджета уже достигали 660 млрд долларов.

Немаловажное влияние на социально-экономическое положение США и на общественные настроения, приведшие к победе Трампа на президентских выборах, оказывает проблема миграции.

Как это ни парадоксально, страна мигрантов демонстрирует активное отторжение новых мигрантов, которые приезжают в США со всего мира.

Причём 10 млн человек уже являются нелегальными мигрантами.

Всего мигрантов, то есть людей, родившихся за пределами США, 48 млн – 14% населения страны.

Это вызывает определённое напряжение в обществе.

Ещё один фактор разногласий и влияния на экономическое положение – это последствия экономической глобализации.

С одной стороны, глобализация привнесла немало преимуществ, дала возможность Соединённым Штатам сконцентрироваться на наиболее сложной и наукоёмкой продукции.

Но, с другой стороны, она усилила отток традиционных и не только традиционных производств за пределы страны и увеличила зависимость США от целого ряда стран по многим производствам, в частности, от Китая, что стало особенно заметно в последние годы.

После избрания Трампа – второй пункт моего выступления – под влиянием его хаотичной экономической политики ситуация в экономике начала ухудшаться.

В первом квартале 2025 года неожиданно после весьма благополучных результатов 2024 года было зафиксировано падение внутреннего продукта на 0,3%.

Вроде бы немного.

Все называют это технической рецессией, но тем не менее это отражает неопределённость в сфере внешнеэкономических связей, что приводит к таким флуктуациям в сфере производства.

Несмотря на то, что количество новых рабочих мест за первый квартал 2025 года выросло почти на полмиллиона, опросы показывают, что обеспокоенность ростом безработицы среди работников возрастает.

Эта обеспокоенность превысила 60%, наивысший показатель с 2009 года.

Растёт также обеспокоенность по поводу ожидаемого роста инфляции.

Хотя официальный показатель сейчас на уровне немногим более 2%, ожидания, опять-таки, достигли максимума с 1981 года – уровня более 6%.

Угроза высоких тарифов резко снизила покупательную активность населения, объём розничной торговли сократился более чем на 20 процентных пунктов с марта 2024 года.

После прихода Трампа в Белый дом иммиграционные потоки в США снизились практически до нулевого уровня.

Это может иметь весьма негативные последствия для американского рынка труда, поскольку естественные темпы роста населения в Америке снижаются, и в последние годы это примерно на полпроцента выше, чем в Европе.

И уже только за счёт мигрантов поддерживается численность рабочей силы.

Чтобы охарактеризовать состояние экономики США, недостаточно оценить текущие экономические показатели.

Важно дать оценку тем системообразующим факторам, которые определяют долгосрочные тенденции экономического развития и позиции США в мировой экономике.

Здесь главное – производительность труда.

По этому показателю Соединённые Штаты опережают все крупные и значимые в мировой экономике страны.

Впереди США по этому показателю только группа из нескольких небольших стран, таких как Люксембург, Норвегия, Ирландия, Швейцария, Нидерланды, Австрия, Сингапур.

Следующие за США крупные страны – Германия и Франция – по данному показателю составляют около 80% от американского уровня.

Китай отстаёт по показателю производительности труда, по данным Международной организации труда, более чем в четыре раза.

Что обуславливает такое положение вещей?

Тому есть вполне конкретное объяснение.

Это факторы, имеющие долговременный характер.

Первый фактор – уровень развития американской науки и научно-технического потенциала в целом.

Здесь США, несмотря на определённые достижения Китая, по большинству показателей остаются лидерами.

Они тратят на науку четверть всех мировых расходов; по показателю доли в валовом внутреннем продукте они вышли на третье место и тратят 3,5% от ВВП.

Впереди только две страны, они хорошо известны: Израиль – более 5%, Южная Корея – 4,5%.

Все остальные страны имеют уровень ниже, чем в США.

Второй фактор – уровень развития человеческого потенциала. И главная формирующая его основа – высшее образование и высокая мобильность американской рабочей силы.

По данным всех международных рейтингов, американские исследовательские университеты – лучшие в мире.

Из 20 лучших вузов мира по всем ключевым рейтингам, в том числе китайскому, 18 – американские.

Третий фактор.

Большую роль в лидирующих позициях США в мире играют как портфельные, так и прямые инвестиции.

Это третий долгосрочный фактор развития.

Общие инвестиционные потоки в США в 2024 году составили 1 трлн 173 млрд долларов, что значительно превышает аналогичные потоки в другие развитые страны.

На втором месте находится Франция – 323 млрд, далее Великобритания – 192 млрд, Германия – 174 млрд и так далее.

Китай – только 74 млрд долларов.

Привлечение свободных финансовых ресурсов со всего мира даёт США огромные преимущества как в сфере финансов, финансирования бюджета, так и в реальном секторе экономики.

По общему притоку прямых иностранных инвестиций США также лидер.

Эти инвестиции в основном идут из развитых стран, в частности, из Японии, Канады, Нидерландов, Великобритании.

Доля каждой из этих стран в общем инвестиционном потоке составляет 12–13%.

Из США инвестиции направляются в основном в Европу. 40% всех инвестиций – это Европейский союз и Великобритания.

Четвёртый фактор – уровень корпоративного управления.

По признанию большинства экспертов, оно является наиболее сильным в мире и в значительной степени обуславливает высокую производительность труда и позиции США в мирохозяйственных связях.

По оценкам, именно уровень корпоративного управления здесь даёт примерно 50% прироста производительности труда.

Пятый фактор – роль США в мировой финансовой системе.

Их валюта является доминирующей и в мировых резервах, составляя примерно 60%, и в международных расчётах.

Тут есть колебания, которые периодически имеют место, но по последним данным – около 50%.

И все разговоры о том, что все вдруг перейдут на национальную валюту, пока не получают подтверждения.

Есть, конечно, и долгосрочные слабости, о которых я уже упомянул, поэтому не буду повторять.

Они требуют серьёзного подхода.

И политика Трампа, как он её продекларировал, нацелена на то, чтобы слабости американской экономики смягчить, облегчить, уменьшить.

И все эти лозунги – «Сделать Америку вновь великой» и другие подобные, – конечно, в значительной степени связаны с этими слабостями.

Можно выделить несколько основных направлений экономической политики Трампа как приоритетные.

Из них, пожалуй, главных – три.

Во-первых, налоговая политика; во-вторых – миграционная, в-третьих – внешнеторговая, в частности, тарифная.

Кроме того, это стремление к дерегулированию экономики, к её деbüroкратизации.

С этим связана также тенденция к сокращению госаппарата, ликвидации целых государственных ведомств.

Также можно отметить намерение повысить эффективность работы госаппарата.

Создана специальная структура в системе исполнительной власти, которая призвана эту эффективность повысить.

Кстати, идеолог этой работы, предприниматель Илон Маск, уже ушёл с этой службы, заявив, что он разочаровался в государственной деятельности.

Кратко о налоговой политике.

Ожидается продление действующего налогового законодательства, принятого в 2017 году.

Оно перейдёт в бессрочный режим.

И предполагается, что корпоративный налог будет снижен с 21% до 20%, а для корпораций, которые занимаются производством на территории США, – до 15%.

В этом направлении планируется также ещё целый ряд различных послаблений и налоговых вычетов.

По мнению многих экономистов, влияние налоговой политики будет двойственным.

В краткосрочном плане снижение налогов может привести к положительному эффекту – к росту инвестиций и росту потребительских расходов.

Однако одновременно это уменьшит поступления в бюджет, что приведёт к росту его дефицита и увеличению государственного долга примерно на 7–8 трлн долларов в ближайшие десять лет.

Особое место, как мы сейчас видим, в деятельности Трампа занимает внешнеторговая политика.

Здесь я должен сделать оговорку.

Вообще говоря, вся экономическая политика Трампа не представляет собой ничего экстраординарного.

Трамп неоднократно объявлял себя сторонником рейганомии.

То есть это нормальный переход от демократической администрации к республиканской, имея в виду уменьшение государственного вмешательства в экономику.

Трамп активно пытается претворить это в жизнь в сфере внутренней экономики.

На мой взгляд, он делает это весьма своеобразно, хаотично, непродуманно, но тем не менее сам курс, само направление весьма традиционны.

В сфере внешнеэкономической политики мы видим существенное отличие от неолиберального в целом курса Трампа.

Это, скорее, возвращение к протекционизму XIX века.

Он признаёт, что его кумир – это президент Уильям Мак-Кинли, который впервые начал повышать тарифы на ввозимые товары во внешнеэкономических связях.

И у Трампа мы видим такой же подход.

Мне кажется, что Трамп здесь проявляет себя как не слишком компетентный предприниматель.

Ну, предприниматель он ведь какой?

Предприниматель средней руки, хотя и миллиардер.

Но он занимался всего лишь земельными спекуляциями, операциями с недвижимостью, а не какими-то там высокими технологиями.

Поднять переговорные ставки, снизить ставки и найти какой-то компромисс...

Здесь он действует больше методом «тыка», и мы видим, что шаг вперёд, два шага назад – это то, что происходит в сфере внешнеэкономической политики.

Пока, по большинству оценок, ничего хорошего из этого для США и для международной торговли не получается.

Особым направлением социально-экономической политики Трампа является сфера иммиграции.

Это не только область экономики и социальной сферы, но и предмет острой политической борьбы, борьбы идеологий, взглядов на роль иммиграции в развитии страны.

Здесь проблема в том, что очень быстро меняется этно-расовый состав населения США.

По оценкам экспертов, к 2060 году «белых» в Америке будет только 42%. Их всё ещё будет большинство, но тем не менее большинство относительное.

Очень быстро повышается доля латиноамериканцев и выходцев из Азии.

Как это повлияет на американскую экономику, на трудовую этику, на культурную среду, на язык, пока сказать довольно трудно.

Приведёт ли это к тому, что было раньше и называлось *melting pot* (перемалывание всех в плавильный котёл), или не приведёт, пока сказать довольно трудно.

Что я хотел бы сказать в заключение.

Вероятные последствия, о которых идёт речь – налоговые, внешнеэкономические, – нельзя рассматривать как безусловные.

Часто мы как эксперты преувеличиваем роль государственной политики.

Но в рыночной экономике не она является главной и определяющей.

Главные факторы – состояние совокупного спроса в стране, фаза экономического цикла, состояние мировой экономики, но и всё больше и больше – геополитический фон.

Поэтому конечный результат всех тенденций, которые мы наблюдаем сегодня, будет следствием баланса этих зачастую разнонаправленных факторов.

Спасибо за внимание.

КОММЕНТАРИИ К ДОКЛАДУ

Алексей АБРАМОВ (Банковский институт НИУ ВШЭ): «Трамп – 47-й президент США в своей экономической политике сильно отличается от Трампа – 45-го?»

Виктор СУПЯН: «Он продолжает курс. Во время первого срока были наиболее успешные попытки в области налоговой политики. Сейчас он принялся за внешнеэкономическую. Но сейчас это, наверное, главное направление его деятельности».

Александр Абрамов, (к.э.н., РАНХиГС): задал вопрос о деиндустриализации США.

Виктор СУПЯН: «Попытку вернуть рабочие места в США предпринимал не только Трамп. До него это делали и Буш, и Байден, и Обама. И все попытки оказались неудачными. Причина очень проста. Есть интерес корпораций. Это объективная тенденция, которую никакими призывами, лозунгами и даже стимулами переломить нельзя... Она обусловлена новым противоречием между интересами крупнейших корпораций, которые по своей силе и мощи сопоставимы с силой и мощью многих государств, и интересами государства».

Академик Виктор Полтерович (ЦЭМИ РАН): «Глобализация приобретает региональный характер. Нет ли здесь внутреннего противоречия в самих терминах?»

Виктор СУПЯН: «Макропоказатели, которые отражают тенденции глобализации, – потоки торговли, инвестиций,

информации, движение рабочей силы. Они не уменьшились, а увеличились. Но одновременно мы видим усиление именно региональной составляющей. Она как бы не отменяет глобализацию вообще, но сдвигается в этом направлении, поскольку позволяет избежать рисков, связанных с шокowymi проявлениями».

Академик Наталья ИВАНОВА (ИМЭМО РАН): задала вопрос о позиции Стивена Мира (госдолг – угроза, точка невозврата в 2030 г., девальвация доллара на 20%).

Виктор СУПЯН: «Никто не просит их отдавать эти долги. Представить себе ситуацию, что одномоментно все предъявят эти обязательства к оплате, совершенно невозможно. Это будет действительно означать крах американской экономики... Они не могут печатать столько, сколько хотят. Зачем платить сейчас почти 900 млрд долларов процентных платежей из бюджета, если можно взять да напечатать?»

Академик Михаил УГРЮМОВ (Институт биологии развития РАН): задал вопрос о влиянии санкций на участие России в глобализации.

Виктор СУПЯН: «Да, влияют. На мой взгляд, влияют достаточно серьёзно. Идеи суверенизации, наш технологический суверенитет – это очень правильные идеи. Но нам нужно не только самим изобретать велосипед, но и использовать то, что наработано другими странами».

ДОКЛАД

США И ТРАНСФОРМИРУЮЩИЙСЯ МИРОВОЙ ПОРЯДОК

Валерий ГАРБУЗОВ,
член-корреспондент РАН,
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Института США и Канады
им. акад. Г.А. Арбатова РАН

Сейчас, конечно, и мы, и очень многие эксперты, да и вообще население – всё больше говорят о Трампе. Потому что для мира и для США Трамп – определённый феномен, который ещё предстоит изучать, изучать и изучать.

Мы отслеживали его первое президентство, не торопились публиковать монографии, но в этом году должна выйти очень объёмная книга с подробным описанием всего того, что он и его администрация делали в 2017–2021 годах.

Надеюсь, и по второму президентству будет издано такое же произведение, второй том. Мы пригласим вас на презентации этих трудов.

Итак, несколько моментов, связанных с Трампом.

Почему Трамп?

Вообще говоря, Соединённые Штаты Америки – это либеральное государство, в рамках которого сформировалось либеральное общество.

Либерализм – это основополагающее идейное течение этой страны.

Часто США называют родиной либерализма.

И вдруг там такой подъём консерватизма.

С чем это связано?

Был такой американский неоконсерватор – журналист и писатель Ирвинг Кристал.

Он считал так: консерватизм в США поднимается тогда, когда этой стране плохо.

Когда кризисы, когда какая-то неустроенность, тогда либерализм не в состоянии дать ответы на проблемы общества и решить их.

Вот тогда-то и поднимается консерватизм.

И он прав.

Если мы посмотрим на историю США после Второй мировой войны, то увидим несколько консервативных волн, которые накатывали, а потом уходили.

Не буду подробно их характеризовать, просто назову.

Первая консервативная волна 1950-х годов была связана с Джозефом Маккарти и эпохой маккартизма.

Вторая (конец 1960-х годов) – с Барри Голдуотером.

Третья (1980-е годы) – с Рональдом Рейганом, превратившим провинциальный американский консерватизм в уважаемый.

И эта третья волна оказалась самой успешной.

До Рейгана в США по-настоящему организованного консервативного движения не существовало, не было журналистов-консерваторов, не было канала «Fox News» и всего прочего – того, что теперь называют консервативной сетью.

Поэтому их влияние на электоральные массы было очень ограничено, а перспективы победы на президентских выборах скромны.

Они извлекли из этого уроки и к выборам 1980 года всё это создали.

Рейгана уже не назовёшь так, как называли консерваторов прежней поры – «деревенщиной».

Он оказался вполне уважаемым господином, который нужен был в качестве знамени консерваторов, поэтому на него и была сделана ставка.

В ходе своего президентства Рейган и рейганисты реализовали практику уважаемого консерватизма.

Рейган ушёл – ушёл с ним и консерватизм.

Вообще, особенность американских консервативных волн состоит в том, что они не могут существовать без лидеров. Без них они даже не поднимутся. Всегда необходим лидер, который обладает способностью удержать эту волну в течение какого-то времени.

И сегодня мы наблюдаем очередную, четвёртую волну консерватизма в Соединённых Штатах Америки.

Особенность её состоит в том, что у неё не один, а два подъёма.

Первый подъём – это первое президентство Трампа.

И он уже прошёл.

И я думал: что же будет дальше?

Если Трамп, что называется, уйдёт на покой, покинет политическую арену, то консерватизм уйдёт в тень.

Без Трампа не будет и нового трамповского подъёма.

Без него это невозможно.

Но он благодаря своей стойкости остался и встал во главе этого второго подъёма современной американской консервативной волны.

Как называть эту новую волну?

Я думаю, её стоило бы назвать авторитарным консерватизмом, потому что у Трампа слишком уж открыто, напоказ, абсолютно во всём проявляется этот ничем не сдерживаемый авторитаризм.

Нынешняя консервативная волна не вечна.

Она уйдёт, как, впрочем, и сам Трамп. Надеюсь, его угрозы насчёт третьего срока не воплотятся в жизнь. Вместе с ним уйдёт и эта консервативная волна. С тем, чтобы когда-то, через 10–15 лет, вернуться снова.

Вот такова закономерность политических качелей в Соединённых Штатах Америки.

Институционально консерватизм представлен прежде всего Республиканской партией, а либерализм – Демократической.

Они-то и олицетворяют собой два основных идейных течения в этой стране.

Не буду распространяться о первом президентстве Трампа.

Но совершенно очевидно, что его надо назвать «блокированным» президентством.

Потому что, если вспомнить, противники Трампа тогда «били» его каждый день.

«Били» оппоненты в Конгрессе, а он мастерски изворачивался.

Вместо законов выпускал исполнительные директивы.

Так и держался.

Но ему всё равно организовали импичмент, а потом, уже на прощание, и второй.

У каждого американского президента свой «Уотергейт».

Такого противостояния, такой войны Конгресса и президента в США не было очень давно, хотя они всегда воюют друг с другом.

На этом построена система взаимоотношений исполнительной и законодательной власти в этом государстве.

А теперь – о втором президентстве Трампа.

Многие полагали, что Трамп вряд ли изменился за эти годы, и второе президентство будет напоминать первое.

Но нет.

Он поменялся и, несмотря ни на что, укрепил ещё больше свои позиции и в обществе, и среди консервативной элиты.

Консервативный Фонд наследия подготовил для него материалы, в которых были обозначены ориентиры его будущего правления.

Доклад этого фонда «Мандат на лидерство», который был выпущен ещё до победы Трампа, в период избирательной кампании, взбудоражил многих.

Потому что содержал программу ликвидации «глубинного государства», которое Трамп считал своим главным врагом.

И создания взамен него в США жёсткой властной вертикали.

Многие считали, что такого быть не может. А оказалось – может!

Сам Трамп отмежевался от этого доклада.

Но когда он вновь пришёл к власти, то стал действовать как будто под копирку текста того самого доклада.

Говоря при этом о том, что ему не нравится вся система власти в Соединённых Штатах Америки, которая складывалась там ещё с колониальных времён.

И этим, конечно, он удивлял и продолжает удивлять не только американцев.

Как дальше будет складываться нынешнее президентство Трампа, покажет время. То, что оно будет непростым, это точно.

Оно будет президентством, во время которого Трамп не выполнит все свои грандиозные обещания.

Думаю, что, конечно, вряд ли он сам верит, что может воплотиться в жизнь всё то, что он наговорил и про Гренландию, и про Мексику, и про Панамский канал.

Но кое-какие дивиденды из этого он, безусловно, извлечь может.

Самый наглядный пример – украинский кризис. Ни за один день, ни за полгода эту проблему решить не удастся.

А вообще, можно ли решить её на тех подходах, которые мы наблюдаем сегодня?

Враждующие стороны конфликта явно не желают искать компромисс.

А компромисс в сложившейся ситуации – это главное условие их замирения.

Хотя бы на какое-то время.

Так что, как видите, громкие слова Трампа пока не превращаются в какие-то конкретные дела.

Американцы любят изучать деятельность своих президентов.

И обычно за время своей деятельности любой президент примеряет на себе два образа, выступая тем самым в двух ипостасях.

Первая – когда будущий президент (пока ещё кандидат) добивается своего избрания.

Здесь он должен включать определённые механизмы, которые у Трампа развиты почти идеально.

Трамп проявил себя как уникальный мобилизатор электоральных масс.

К тому же он оказался и мощным «отрывателем» чужого электората.

В этом равных ему сегодня просто нет.

Любой его противник всегда будет проигрывать.

Вторая ипостась наступает, когда кандидат в президенты побеждает, становится уже избранным и вступает в должность.

С этих пор он должен сложить с себя полномочия мобилизатора масс, потому что становится государственным мужем и реформатором – главой государства.

С этих пор он должен методично и настойчиво реализовывать свои обещания.

А в этом Трамп гораздо слабее.

Он – не для монотонной каждодневной работы.

Его миссия совсем в другом: прежде всего – актуализировать проблему, привлечь к ней внимание американской и мировой общественности.

Когда начинаешь удивляться тому, что он делает, или, лучше сказать, что он творит, то думаешь: либо ему

не подсказали его помощники, либо была недостаточно проработана проблема.

Поэтому от Трампа нередко исходят непродуманные, сырые предложения.

Такова реальность, которая уживается в этом человеке.

В нынешнее своё президентство Трамп очень многое наговорил и по поводу внешней политики.

Я не буду это повторять, все это слышали, все это знают.

Но хотел бы в связи с этим сказать вот о чём.

Часто говорят о том, что мир уходит от однополярности или биполярности.

Я предпочитаю говорить, что мир полицентричен.

И в нём формируются разные по величине центры силы, взаимодействующие между собой.

В результате этого складываются оси взаимодействия, которые зачастую становятся конфронтационными.

Многие полагают, что цель состоит в том, чтобы создать более справедливый, более совершенный мир.

Вполне очевидно, что все поколения политиков и в XIX, и в XX веке не обходили эту тему – тему справедливого мира.

Но точно так же ясно, что создать некий справедливый мир вряд ли получится ни в этом столетии, ни даже в отдалённом будущем.

Почему?

Потому что главной характеристикой любого мирового сообщества или мирового порядка является не абстрактная справедливость международных отношений, а голый государственный интерес отдельных государств либо интерес группы стран, который и претворяется в жизнь.

Столкновение их интересов и рождает конфронтацию.

А эта конфронтация может быть разной – и мирной, и немирной.

Такая вот реальность.

Всех сделать равными вряд ли получится, и мы видим это на примерах сегодняшнего дня.

Но я хотел бы сказать, что во все времена – и здесь уже звучала такая мысль – есть особые центры силы – суперцентры или локомотивы.

Сегодня в мире существуют два мощных глобальных локомотива – это Соединённые Штаты Америки и Китай.

Это две неформальные империи современного мира.

Почему империи, я думаю, понятно.

Потому что они распространяют своё влияние на весь мир, их экспансия глобальна.

Их сегменты присутствуют в каждом уголке земного шара. И эта экспансия продолжится.

Неформальный характер им придаёт то, что они, в противовес старым империям прошлого, действуют неформальными методами, инкорпорируя себя в остальной мир.

А поскольку так, то эти неформальные империи современного мира, которые за десятилетия укрепились во всех уголках земного шара, не так-то просто превратить во что-то иное.

И для Соединённых Штатов Америки, может быть, некоторое снижение своей роли, удельного веса – не так уж и страшно.

Самое главное то, что свою суть они вряд ли утратят и будут сохранять её в дальнейшем.

Китай же идёт по их стопам.

Он в своё время был и вскормлен, и вспоён именно Соединёнными Штатами Америки.

И по иронии судьбы он превратился в их конкурента, которого они сами же и сформировали.

Сегодня это две неформальные империи современного мира.

Конечно, доминирующей державой останутся Соединённые Штаты Америки.

Это действительно особая супердержава, которая сумела инкорпорировать в себя весь остальной мир.

А с другой стороны, она инкорпорировала себя в остальной мир.

Если кто-то захочет бороться с таким феноменом или захочет, что называется, свернуть шею этому монстру, он должен понимать одно: сделать это очень сложно, потому что эти процессы идут уже десятилетия, с конца XIX и в течение XX–XXI веков.

Итак, весь мир состоит из центров силы, о которых уже говорилось выше.

Ими могут выступать либо отдельные государства, либо группы стран.

Но вместе с тем в мире существуют оси взаимодействия и оси конфронтации.

Очень часто бывает так, что оси взаимодействия выступают и в виде осей конфронтации, и наоборот.

В нынешнем мире существует две главных конфронтационных оси – американо-китайская и американо-российская. Американо-китайская понятна.

Эта ось очень своеобразная, потому что это не только конфронтационная ось.

В неё вмонтирован механизм её внутреннего регулирования.

Торговые войны, которые ведутся между этими державами, – это не просто торговые войны.

Это своеобразный механизм регулирования конфликта.

Они время от времени будут разгораться, но они возникают и прекращаются, потому что перерастают в переговоры, в результате которых достигается какое-то соглашение.

Вторая конфронтационная ось – американо-российская.

Здесь нет того, что есть в китайской оси.

Механизм внутреннего регулирования в этой оси полностью исчез, и никто не может сказать, как его создать, воссоздать или придумать взамен что-то принципиально новое.

Пока что это санкционная спираль, на которую и накручиваются отношения двух государств.

Все мы привыкли говорить об американо-китайском противостоянии.

Кто-то даже считает, что формируется новая биполярность, что всё это обязательно закончится неизбежной войной.

Не думаю.

Слишком уж эти две державы нужны друг другу, слишком уж они взаимосвязаны.

Встроенный механизм внутреннего регулирования снижает опасность, исходящую от подобной конфронтации.

А вот конфронтационная ось без механизма регулирования, какой является российско-американская, мне кажется, представляет наибольшую опасность хотя бы тем, что она может рождать трудноразрешимые конфликты, подобные украинскому.

И последнее.

У каждого мирового субъекта есть свои интересы.

Но среди всех государств мира есть три державы, у каждой из которых есть свои глобальные геополитические программы.

Понятно, что это прежде всего Соединённые Штаты Америки.

Со своим философским набором, лежащим в основании этой глобальной программы: универсализм американских ценностей, американская исключительность, американское лидерство, глобальное доминирование.

Вторая держава с глобальной программой – Китай.

И программа эта также философски обоснована. Но по-китайски.

Она была выдвинута и обоснована в виде того, что сейчас китайцы называют «сообществом единой судьбы человечества».

Недавно Си Цзиньпина спросили: что же это такое?

Он ответил: это развитие пяти принципов мирного сосуществования, которые были приняты ещё в 1960–1970-е годы.

Тем не менее в таком виде она существует, и она явно не похожа на американскую.

Это, что называется, глобальное лидерство Китая без его стремления стать гегемоном.

Все мы помним, что при Мао Цзэдуне в 1960–1970-е годы Китай боролся с американским империализмом и советским гегемонизмом.

А сегодня современный Китай словами своего лидера говорит, что не претендует на то, чтобы быть гегемоном, потому что это плохо для всех.

И третья программа – программа России.

Почему я её тоже называю?

Во-первых, Россия – великая держава. Во-вторых, в годы существования СССР она была супердержавой, а такой период для государства не проходит даром.

И думать о том, что бескровный развал Советского Союза привёл к созданию нескольких независимых государств и на этом всё закончилось, было бы наивно.

Спустя определённое время у России возник так называемый постимперский синдром.

И он стал себя проявлять не сразу, а спустя годы.

Этот отложенный, запоздалый постимперский синдром проявляет себя и сейчас.

России сложно быть обычной державой после длительного периода коммунистического экспансионизма и стремления создать через мировую революцию всемирную коммунистическую империю.

Это не удалось.

И тогда Советский Союз, в общем-то, сделал то, что он только и мог сделать, – создал мировое коммунистическое движение.

А что собой представляет сегодняшняя российская геополитическая программа?

Она сформирована в рамках евразийского пространства.

У нынешней политической элиты России есть стремление на путях евразийства закрепить и стать чем-то большим, чем простое государство в своих собственных границах.

Но здесь есть своя проблема. Азиаты, как известно, не очень любят Европу.

Они и готовы разделить эту концепцию, но только без Европы.

А без Европы это уже не Евразия, а что-то совсем другое.

Здесь такой большой вопрос.

Так что это, образно говоря, три корабля, которые готовы вести за собой если не весь земной шар, то хотя бы какую-то его часть.

Как они будут плыть и наткнутся ли на взаимные противоречия – надеюсь, мы сможем увидеть в этом столетии.

Спасибо большое.

КОММЕНТАРИИ К ДОКЛАДУ

Анвар АЗИМОВ (к.и.н. чрезвычайный и полномочный посол РФ в отставке): «Трамп – временный попутчик для России? Вряд ли он может рассматриваться как стратегический партнёр? Либо это скрытый, а в перспективе – открытый противник России?»

Валерий ГАРБУЗОВ: «Считаю, что Трамп, конечно, очень сложный партнёр, несмотря на простые заявления... В первое своё президентство он очень неплохо отзывался о России и о Путине. А вскоре после этого вдруг подписывает новые анти-российские санкции. Столько санкций против нашей страны не санкционировал ни один американский президент...

Если говорить по большому счёту, то стратегически я бы его не рассматривал. Сегодня он стратегический партнёр, а завтра, извините, его на этой дороге нет».

Академик Михаил УГРЮМОВ: задал вопрос о сопоставлении классических империй и Советского Союза.

Гарбузов В.Н.: «Я выделяю две неформальные империи современного мира – это США и Китай... Советский Союз и нынешняя Россия не являются неформальной империей современного мира, но своя геополитическая программа, распространение своего влияния за пределы собственных границ, конечно, есть».

ДОКЛАД

РАСШИФРОВАТЬ ТРАМПА-2: «ДОРОЖНАЯ КАРТА» НЕОГЛОБАЛИСТА

Владимир МИЛОВИДОВ,
член-корреспондент РАН, доктор
экономических наук, заместитель
директора по научной работе
Национального исследовательского
института мировой экономики
и международных отношений
им. Е.М. Примакова РАН

Сразу хочу пояснить, почему такое название – «Расшифровать Трампа-2: «дорожная карта» неоглобалиста».

Так случилось, что ровно через год после вступления в должность Трампа в 2017 году, в начале 2018 года я опубликовал статью «Расшифровать Трампа», где задался вопросом, как разгадать его феномен.

Есть в нём загадочность или нет?

Так родилась двойка в этом названии.

А про «дорожную карту» неоглобалиста кратко поясню в ходе доклада.

Я экономист, поэтому буду больше акцентировать внимание именно на экономике.

Тема, которая меня в научном плане всё больше и больше интригует и интересует, – это то, до какой степени человеческие настроения, эмоции, психология соединяются с экономическим поведением человека-политика.

Насколько Трамп – политик в чистом виде, насколько он – живой человек? И насколько его эмоциональность действительно становится фактором политики?

Поэтому то, о чём я буду говорить, это, наверное, некая попытка соединить эмоции со здравым смыслом.

Если сравнивать два срока, о чём говорил сам Трамп, напрашиваются названия известных книг Драйзера – «Стоик» и «Титан», только в обратной последовательности.

В первый срок, действительно, Трамп преодолевал многочисленные сложности.

Он как будто отдавал долг своим избирателям, которые неожиданно для него самого, как писали отдельные эксперты, избрали его в качестве президента.

Он был вынужден бороться с определённым противостоянием внутри своей собственной партии, доказывать своё присутствие и свою роль, бороться с Конгрессом, который был разделён довольно существенно и противостоял ему.

Здесь упоминались санкции.

Я тоже часто слышу, и сам Трамп об этом гордо заявляет, что он был президентом, который ввёл больше всех санкций.

Но это неправда.

Он кодифицировал санкции, которые были введены до него указами Обамы.

И тот известный закон, принятый Конгрессом, который он подписал, – это закон, объединяющий все ранее введённые санкции.

И плюс, конечно, он добавил кое-что от себя.

Во многом, по всей видимости, его несопротивление Конгрессу, желание идти на уступки отражало именно то, что ему нужно было проявить себя в том месте, где он оказался.

Поэтому в недавнем интервью журналу «Атлантик» он сказал: «В первый срок я управлял страной и выживал, в новом сроке я управляю страной и миром».

Так он перевёл себя в разряд «титанов», которые сегодня претендуют на то, что они фактически определяют судьбу не только Соединённых Штатов Америки, но и всего мира.

Отсюда его такое напористое движение.

Он видит себя героем, победителем (об этом я чуть позже скажу), таким консолидатором республиканской партии. Сегодня она достаточно консолидирована вокруг него.

Безусловно, MAGA стала национальным движением. И понятно, что напрашивается его известный лозунг: «Make America Great Again».

Хочется сказать: «Great again Trump makes America great again». То есть «Снова Великий Трамп делает Америку великой».

Ещё один очень важный аспект, который влияет на его личность и поведение, – это магические совпадения, позволяющие ему, наверное, быть уверенным в своей избранности.

В феврале 2017 года Трамп выступал в Конгрессе со своей первой речью, которую он начал словами о том, что думает о будущем Америки.

Он напомнил, что в 2026 году США будут отмечать своё 250-летие, и сказал, что для него важно, какой страной Америка встретит этот юбилей. Трамп подчеркнул, что США должны стать снова великой страной...

Тогда, естественно, возникало некоторое недоумение: даже если Трамп побеждает в свой второй срок, он никак

не сможет праздновать 250-летие США в 2026 году в кресле президента.

Если бы его избрали на второй срок, то к 2026 году он уже закончился бы. А то, что его выберут второй раз, никому вообще не приходило в голову.

Такое случалось более 100 лет назад, когда демократ Кливленд стал сначала 22-м, а потом и 24-м президентом США.

Но наступил ковид, известные процессы в Соединённых Штатах Америки.

Трамп проигрывает выборы в 2020-м и чудесным образом выигрывает их в 2024 году.

И он будет встречать 250-летие США в должности президента Соединённых Штатов Америки.

Фактически сама судьба, в том числе простреленное или задетое его ухо в момент покушения, подарила ему этот шанс.

Но что самое главное, о чём я постоянно всем говорю и на что обращаю внимание.

Мы знаем, что 4 июля – День независимости Соединённых Штатов Америки.

14 июня 2026 года Трампу исполняется 80 лет.

Я глубоко убеждён, что такой человек, как Трамп, хочет превратить свой 80-летний юбилей в 250-летний юбилей Соединённых Штатов Америки.

Или наоборот, 250-летний юбилей США – в свой собственный.

Это тоже добавляет эмоциональности.

И ещё известный американский колумнист Закария Джонсон назвал его политику во время первого срока «перформативной жестокостью», как бы указывая на то, что он не идёт ни на какие компромиссы, он идёт напролом и всё время добивается результата.

Сегодня это выражение широко используется для определения политики Трампа.

То есть в нём есть вот эта перформативность, он использует в речи перформативные выражения: «я делаю», «я сделаю», «я буду», «я настаиваю»...

Такая особая форма выражения мыслей.

И на сегодняшний день он продолжает эти активные действия с новой силой.

Совершенно правильно было сказано в предыдущем докладе «Трампономика 2.0», что в значительной степени он продолжает эту линию по многим направлениям.

Это и пошлины, и налоги, и, собственно говоря, один большой прекрасный закон, «One Big Beautiful Bill», который был принят Конгрессом с перевесом в один голос.

В нём фактически закреплены те экономические преобразования, которые он начинал в 2017–2018 годах.

И пошлины, и снижение налогов, и другие меры теперь из временных становятся постоянными.

Поэтому сегодня Трампу, конечно, нужны очевидные результаты.

Он нацелен на то, чтобы войти в историю героем.

Согласен с коллегами: вопрос о том, что будет после 2026 года, открыт.

Потому что выборы в Конгресс могут изменить расклад сил.

С моей точки зрения, Трамп должен отдавать себе отчёт в том, что у него, по существу, на эту активную деятельность всего лишь два года – 2025-й и 2026-й.

А дальше – пойдёт как пойдёт.

Естественно, он спешит, поэтому и давит на всех в силу своей осознанной избранности.

Теперь более важный вопрос.

Трамп – неоглобалист.

Хочу вернуться к предыдущим докладам и добавить от себя.

К сожалению, я замечаю, что мы очень часто выхватываем из контекста какие-то слова и начинаем сами придумывать им названия, или, вернее, смысл.

Сейчас в таком негативном ключе очень распространено слово «глобалист». Глобалисты во всём виноваты.

Кто такие глобалисты, я, честно говоря, до конца не знаю.

Но, безусловно, тенденция глобализации как была, так и остаётся, её никто не отменял.

Считаю, что Трамп является выразителем этой глобализации, развития глобального мира.

Полагаю, что мир по своей природе вообще глобален.

Если мы вспомним древних греков, которые плавали, правда, только в своём Средиземном море, или Одиссею...

Собственно, это тоже мир, который уже тогда становился глобальным.

Другое дело, как он трансформируется в сознании Трампа, и как он трансформируется в его действиях.

Если мы посмотрим, то, в общем-то, практически все действия Трампа направлены не на то, чтобы замкнуться в рамках Соединённых Штатов Америки.

Где-то я слышал версию о том, что Трампа вообще интересует только Западное полушарие.

Наоборот, вся политика Трампа направлена на то, чтобы укрепить позиции Соединённых Штатов Америки в том мире, в котором мы существуем.

Это – не отказаться от мира, а это – укрепить себя в этом мире.

Если вернуться к дискуссии по поводу глобальности...

Собственно, все здесь присутствующие встали на ноги, выросли в условиях глобализации, построенной на многосторонних институтах и многосторонних соглашениях.

1944 год. Бреттон-Вудская система, мировые финансовые институты, затем создание ООН, Генеральное соглашение о тарифах и торговле, превратившееся в ВТО, и дальше, дальше, дальше... Мир шёл по линии создания многосторонних институтов глобального управления. Все институты глобального управления – многосторонние.

Что делает Трамп?

Он видит, что США начинают уступать место другим странам.

Прежде всего, я согласен, это Китай, который стал в определённом смысле наследником США в части

управления глобальными институтами и использования их в своих интересах.

И не только Китай, но и Индия – это страны с очень глобальным мышлением.

Поэтому сегодня логика Трампа такова.

Он не отрицает главенство США в мире. Он говорит о том, что необходимо перевести многосторонние соглашения – в двусторонние.

То есть эта глобализация должна быть построена на двусторонних соглашениях, в которых он через различные инструменты выторговывает для себя определённые приоритеты.

Об этих приоритетах я скажу чуть позже.

То есть это глобальный мир, но построенный не на многосторонних институтах, а на двусторонних отношениях, в которых доминирует США.

Собственно говоря, примеры мы видим.

Трамп постоянно говорит, что США – это глобальная сила, а сам он – единственный, кто решает международные споры.

Немного отступлю от темы.

Мы говорим про регионализм, про пошлины...

Но как мы можем называть человека противником глобализации, если основой пополнения бюджета США, в его логике, становятся импортные пошлины?!

Доходы, которые он обеспечивает за счёт налоговой реформы, 4 трлн долларов, выпадают на определённый период времени.

На 2 трлн долларов он их пытается погасить за счёт внешних пошлин.

Это человек, который ориентируется на внешнюю торговлю, на постоянные мирохозяйственные связи, не отрицая их.

То есть он рассчитывает на то, что даже при повышении пошлин товары в США пойдут, поскольку рынок интересный.

США будут от этого только выигрывать.

Здесь приводилась ссылка на президента МакКинли.

Что интересного было при нём?

Самые высокие пошлины в истории США – под 40% – на импортные товары.

При этом в США отсутствовал подоходный налог.

В 1916 году ситуация поменялась, и американцы стали переносить тяжесть бюджетного финансирования, налогового бремени с иностранцев, то есть с пошлин, которые составляют 40% и более, на внутреннюю экономику, на внутренний рынок.

И постепенно, начиная с 1916 года, стремительно падает уровень торговых пошлин, импортных пошлин в США.

При этом налоги там достаточно существенные.

Все американцы, где бы они ни жили, платят налоги как американские граждане...

Там нет налогового резидентства или нерезидентства, как в других странах.

Сейчас мы видим, что эта ситуация разворачивается.

Трамп опять возвращается к тому, чтобы облагать налогом иностранцев, снижая налоговое бремя с внутренней экономики – с прибыли, с подоходного налога предприятий.

Он как бы разворачивает тот тренд, который наблюдается фактически уже более 100 лет.

И дальше возникает вопрос: почему он это делает?

Перехожу к самому важному.

Позволю себе прокомментировать вопрос о тяжести, обременённости американского долга.

Здесь прозвучало, что в этом сила американской экономики.

А мы всё время рассматриваем американский долг в контексте обременения.

От себя добавлю, что нет никаких проблем для Соединённых Штатов Америки оплатить все долги.

Это простая операция для Федеральной резервной системы, когда выкупленные казначейские обязательства ставятся на баланс, а эмиссия осуществляется деньгами.

Активы с пассивами сходятся – и вообще нет никаких проблем.

Это не печатный станок в таком примитивном понимании, печатающий эти купюры, которые отвозятся куда-то в Китай.

Поэтому это всё можно сделать, и проблем с погашением у них, действительно, нет.

Другое дело, что мы должны рассматривать американский долг не как долговой инструмент, не как обременение, а как вынужденную систему поддержания доминирования доллара в качестве международной валюты. И в этом, как они справедливо говорят, и есть главная «проблема» Америки.

Стивен Миран, глав экономических консультантов США написал довольно большую работу, и его логика следующая.

Существует как бы три модели.

Модель известного экономиста Роберта Триффина.

Он сформулировал парадоксальную дилемму (парадокс Триффина).

Она состоит в том, что если страна хочет сделать свою валюту международной, то фактически она должна согласиться на то, что у страны будет устойчивый торговый дефицит.

Но, к сожалению – и в этом дилемма и парадокс, чем больше торговый дефицит данной страны, тем ниже курс национальной валюты.

И, соответственно, интерес к ней как к международной валюте падает.

Есть трёхмерный мир США, который позволяет нивелировать эту ситуацию, и нивелировать именно долгом.

Потому что страны-экспортёры, с которыми у США создаётся отрицательный торговый баланс, аккумулируют доллары.

И что они с ними делают?

Они их инвестируют в американские казначейские обязательства.

Они становятся резервным ресурсом.

Более того, американский финансовый рынок превращается в мощный аккумулятор тех самых долларов, которые распространяются в мире, в том числе благодаря постоянно отрицательному торговому сальдо США со своими партнёрами.

И это, по мнению экономистов, ведёт к тому, что курс доллара начинает не падать, как это писал Триффин, а укрепляться.

А если он укрепляется, то какой следующий виток?

Опять увеличение импорта.

И торговый дефицит США с миром хронически становится отрицательным.

Более того, это побуждает бизнес выводить свои производства в страны, где эффективность выше.

По существу, страна, так сказать, деиндустриализируется, теряет свои производства. При этом она остаётся держателем патентов, ноу-хау, остаётся крупнейшим экспортером финансовых услуг, крупнейшей страной с экономикой услуг.

Но всё производство уходит в сторону и сталкивается с этим отрицательным торговым балансом.

«Поэтому это надо поменять», – считает Трамп.

Каким образом?

Как было правильно сказано, двусторонними соглашениями, повышением пошлин, которые компенсируют расходы.

Соответственно, достигается договорённость не скрытая, а прямая.

Так было с Канадой и Мексикой.

В частности, с Китаем напрямую было подписано соглашение об отказе от манипулирования национальными валютами и фактически от девальвации доллара.

Или, точнее, от укрепления других валют по отношению к доллару.

Поэтому, когда мы об этом говорим, мы говорим просто о другой форме, так скажем, глобального присутствия США в мире, где они продолжают задавать тон.

Они продолжают определять ситуацию в мире, но на своих собственных правилах и условиях.

Ещё раз повторю, что я выстраивал доклад эмоционально, при этом делая акцент на экономической тематике.

Я не затрагивал военно-политические вопросы, но они являются, с моей точки зрения, следствием проводимой США политики.

Поэтому, с моей точки зрения, сегодня Трамп остаётся неоглобалистом в том плане, что он просто выстраивает мир под некую новую глобальную доктрину США в этом мире.

Спасибо.

КОММЕНТАРИИ К ДОКЛАДУ

Академик Михаил УГРЮМОВ задал вопрос: о курсе доллара.

Владимир МИЛОВИДОВ: «Первая реакция рынков показывает некое ослабление доллара. Я не назвал бы это стремительным ослаблением... С октября 2024 года Казначейство США получило свыше 90 млрд долларов доходов в виде пошлин. Если средние поступления пошлин в месяц составляли порядка 5–6 млрд долларов, то в апреле-мае это более 20 млрд. То есть увеличение фактически в 4,5 раза».

Академик Виктор ПОЛТЕРОВИЧ: «Величие Америки ведь основывалось на том, что отношение к Америке было позитивным у большинства стран... Может ли реализовать лозунг «Америка превыше всего», если со стороны других стран отношение к Америке негативное?»

Владимир МИЛОВИДОВ: «Трампу или рядовому американцу наплевать на то, что о нём думают в какой-то стране мира... К ним везут товары, с ними торгуют, понимая, что Америка – это большой рынок, за который они будут бороться».

ДОКЛАД

ТРАМП И НАТО

Владимир БАРАНОВСКИЙ,
академик РАН, академик Академии
военных наук, доктор исторических
наук, руководитель научного
направления «Центр научного анализа»
Национального исследовательского
института мировой экономики
и международных отношений
им. Е.М. Примакова РАН

Наше обсуждение в основном сфокусировано на Трампе, его администрации, их влиянии на глобализацию.

Должен предупредить, что я не специалист по США и не специалист по Трампу.

Для меня было очень познавательно то, что я услышал от своих коллег, которые знают об этом гораздо больше.

Свою задачу вижу в том, чтобы посмотреть на феномен Трампа (или трампизма) со стороны, сосредоточив внимание на теме «Трамп: последствия для НАТО».

Если более широко – на восприятии внешнеполитического курса Трампа его союзниками, прежде всего в Европе.

Это главный сюжет моего выступления.

В Европе высказываются разные мнения насчёт Трампа.

Там есть сторонники трампизма, но их процент, я думаю, значительно меньше, чем в Соединённых Штатах. В целом же отношение к Трампу крайне отрицательное.

Я говорю только об оценке его внешнеполитического курса, но на неё влияют и военно-политические, и экономические сюжеты.

Если всё упростить, то я сказал бы так.

Трамп воспринимается как фигура нетривиальная, ломающая стереотипы внешнеполитического мышления и поведения.

Это, впрочем, касается не только внешней политики.

Речь идёт вообще о феномене появления в Белом доме человека, который является грубым, малообразованным, необузданным, истеричным, самовлюблённым хамом.

Именно этим во многом определяются содержание и стиль его политики.

В том числе и то, каким образом он строит свои отношения с окружающим миром.

В Европе он воспринимается именно таким образом.

Мне кажется, что там это преобладающее восприятие.

В Европе вряд ли знакомы с известной формулой одного нашего политического лидера, которая звучит так: «Других писателей у меня для вас нет».

Но европейцы понимают, что других президентов Соединённых Штатов для них нет, поэтому надо иметь дело с тем, кто есть.

И на этом строить свою политику, своё отношение к Трампу, своё отношение к тому, что он делает в области межсоюзнических отношений.

Касательно этих отношений позволю себе привести ещё одну цитату и сослаться на слова Иво Даалдера, известного американского аналитика и дипломата (он был представителем Соединённых Штатов в НАТО).

В недавнем выпуске ведущего американского журнала по тематике международных отношений «Foreign Affairs» приведено его высказывание: «Мы имеем дело с самым глубоким кризисом за всю историю этого альянса».

Почему?

Потому что Трамп поставил под вопрос его главные основы.

Это, во-первых, представление о том, что всех союзников по НАТО объединяет одинаковое понимание общих угроз.

Во-вторых, что этим общим угрозам надо противостоять сообща.

То есть, условно говоря, если воспользоваться термином из другой области, для США и их европейских союзников «безопасность неделима».

Именно этот базовый постулат, по сути дела, перечёркивается.

Что обнаруживается по многим исходящим от Белого дома заявлениям.

Да и по действиям тоже.

В качестве примера можно привести голосование в феврале этого года в Организации Объединённых Наций по одной из очередных резолюций относительно Украины.

США голосуют по этой резолюции так же, как Россия. В то время как все остальные члены Североатлантического альянса занимают диаметрально противоположную позицию.

А в высказываниях наиболее радикальным оказался вице-президент США Джей Ди Вэнс: выступая в Мюнхене 14 февраля 2025 года на конференции по безопасности, заявил, что альянс фактически прекратил своё существование.

Это произвело впечатление разорвавшейся бомбы.

Не в том смысле, что такая оценка была неожиданной, но по её жёсткости и резкой тональности, в противовес вообще

всем представлениям о том, чем должно являться НАТО и что такое альянс.

Так что речь идёт, действительно, о глубоком кризисе.

Но здесь я, правда, сделал бы одно уточнение.

Может быть, это действительно самый глубокий кризис, но далеко не первый.

Проблемы межсоюзнических отношений обнаруживаются на протяжении всей истории альянса, с момента его возникновения.

И они обусловлены самой спецификой НАТО как многосторонней структуры.

Очевидно, что все страны разные, и их специфические интересы, специфические озабоченности, специфические цели далеко не всегда совпадают.

Иногда это касается чрезвычайно чувствительных вопросов, особенно когда речь идёт о военной безопасности.

Об этом свидетельствует со всей очевидностью всё, что мы знаем из истории.

Проблемы коалиционных войн существуют в любых союзах.

Придёт ли союзник на помощь?

Захочет ли поставить себя под угрозу опасного удара ради своих союзников?

И если придёт, то с использованием каких сил, каких средств, каких собственных возможностей?

Вспомним «Войну и мир»: Толстой описал непростые взаимоотношения с австрийцами, которые были нашими союзниками против Наполеона.

Такого рода проблемы возникали не только два с лишним столетия назад, но и во время Первой и Второй мировых войн.

В межсоюзнических отношениях трёх главных держав антигитлеровской коалиции, конечно, превалировала кооперативная составляющая. Но и там были проблемы (вспомним хотя бы обсуждение того, когда и где открывать Второй фронт).

Придёт ли союзник вам на помощь, как и когда – это лишь одна сторона вопроса.

Есть и другая: не втянет ли он вас в опасные действия ради своих интересов?

Тех интересов, которые вы отнюдь не разделяете полностью.

В этом – двойной экзистенциальный вызов, с которым сталкивается любой союз.

Возникает он и перед участниками НАТО: и перед Вашингтоном, и перед его союзниками, причём с момента возникновения этого альянса.

А когда две главные державы, противостоящие друг другу в биполярной системе, вышли на уровень взаимного гарантированного уничтожения, эта проблема приобрела особенно острый характер.

То есть у союзников Вашингтона стало ещё меньше уверенности, что он придёт им на помощь, если это будет

чревато гарантированным ядерным возмездием в отношении самих Соединённых Штатов.

Эти сомнения выражались условно-риторическим вопросом: готовы ли будут США поставить под угрозу уничтожения Нью-Йорк или Лос-Анджелес ради Брюсселя, Мюнхена и так далее?

Моё мнение: ответа на этот вопрос нет – точнее, его невозможно протестировать.

Его не дадут никакие рассуждения на эту тему, равно как никакие военно-технические или организационные решения. Их действенность может обнаружиться только в ходе реального ракетно-ядерного обмена.

А это уже за рамками того, что нуждается в анализе.

Что получается?

Под вопросом – концепция расширенного ядерного сдерживания.

Под вопросом – надёжность американских ядерных гарантий.

А ведь важнейшим элементом сдерживания противника (Советского Союза, а потом России) является имеющийся у США потенциал ядерного устрашения.

И коль скоро его роль вызывает сомнения, то никакие союзнические обязательства стопроцентной гарантии не дают.

Отсюда возникает вопрос: сработает ли статья 5, которая считается самой главной в Североатлантическом договоре?

Есть формальный ответ: да, сработает.

Раз это записано в договоре, то исходим из того, что соответствующие обязательства будут выполняться.

Но звучит такой ответ как-то не очень убедительно.

Его вроде бы даже неловко обсуждать, выражая сомнения в надёжности вашего самого главного партнёра по обеспечению безопасности.

Но даже если вчитаться в статью 5, то возникают сомнения в её действенности.

В ней есть обязательство каждого участника – оказать немедленную помощь.

Но какую и как?

Осуществлением такого действия, которое этот участник сочтёт необходимым.

Правда, записано – включая использование вооружённых сил.

Но не записано – обязательное использование вооружённых сил.

То есть вы можете оказать помощь с использованием вооружённых сил, если сочтёте необходимым. А если не сочтёте, то и не будет этого.

Само содержание указанной статьи об этом говорит ясно и недвусмысленно.

История, может быть, даже более красноречива.

Статья 5 была использована (имеются в виду формальные ссылки на неё) только один раз – в связи с террористической атакой на Всемирный торговый центр.

По этой линии была проведена операция в Афганистане. Это всё.

Причём обращаю внимание, что это была не помощь Соединённых Штатов своим союзникам, а наоборот, солидарность союзников с США, которые оказались жертвой нападения со стороны террористов.

Были ли какие-то другие похожие ситуации?

Ситуации были, а результат тоже известен. Вспомните Фолклендскую войну, в которой участвовал один из членов НАТО. Англичанам тогда практически никто из Североатлантического блока не помогал.

Было два исключения.

Американцы предоставляли разведывательную информацию, и французы прекратили поставки Аргентине корабельных ракет «Экзосет».

Но половина членов НАТО сочувствовала Аргентине, хотя Великобритания была их союзником.

Можно пойти ещё дальше вглубь истории – Суэцкий кризис 1956 года.

Тогда об альянсе тоже речь не шла, хотя он уже существовал. Был недолгий вооружённый конфликт, который продолжался всего несколько дней. Но всё-таки в нём участвовали две страны НАТО – Великобритания и Франция.

А США не только не помогали им, но практически оказались в одном лагере с главным оппонентом альянса – с Советским Союзом.

Причём последний несколько прямолинейно, но очень жёстко напомнил Парижу и Лондону об имеющемся у него ядерном оружии.

Есть и другие примеры, другие прецеденты, не буду все упоминать.

То есть вопрос в следующем: на каком основании можно рассчитывать, что США устремятся на помощь Европе, если возникнет конфликтная ситуация?

Сегодня Трамп откровенно провоцирует сомнения на этот счёт.

Фактически подрывая действенность статьи 5.

А в контексте конфликта вокруг Украины и вовлечённости в него западных стран эта тема обретает особую актуальность.

Напомню очевидные вещи касательно внешнеполитического дискурса Трампа.

США не хотят лидирующей роли в Европе.

У них есть другие заботы.

Есть Китай, есть Ближний Восток, есть Азиатско-Тихоокеанский регион. Вот там – их главный интерес.

А Европа оказывается на периферии их внешнеполитического внимания.

НАТО – оно о чём? О совместной с союзниками обороне. А от Трампа исходят, по сути дела, территориальные претензии к ним.

В перечне тех территорий, на которые обратил свой взор американский президент, – Канада, Дания, Гренландия и так далее.

Это нечто прямо противоположное духу и букве Североатлантического альянса.

Упомянем и более общий тезис, адресованный союзникам: «Не будьте нахлебниками! Пусть Европа сама отвечает за свою конвенциональную оборону».

Причём на этот счёт есть сильные аргументы: «Вы экономически в хорошем состоянии, почему мы за вас должны платить? Сами раскошеляйтесь и старайтесь сами обеспечивать свою оборону».

Это всё работает в противовес действенности американских гарантий.

Какова реакция союзников?

Самая нехитрая стратегия – переждать.

Трамп не вечен, американская история знает разные сценарии того, как президенты уходили со своего поста, не дождавшись окончания срока.

У самого Трампа к тому же семь пятниц на неделе.

Просто не надо суетиться, надо подождать. Глядишь, всё придёт в норму. Это первый аргумент.

Следующий аргумент.

В окружении Трампа есть люди, которые совсем иначе настроены в отношении НАТО.

К примеру, госсекретарь Марко Рубио, исполняющий также обязанности советника по национальной безопасности.

Он считается крупной политической фигурой.

Сегодня он рядом с президентом, но когда-то выступал среди тех, кто достаточно скептически относился к вывертам трамповской политики.

Рубио был одним из коспонсоров той резолюции, которую Конгресс принял в 2023 году и которая запрещает президенту выходить из НАТО без одобрения Конгресса.

Правда, европейским союзникам США приходится учитывать, что однажды стратегия выжидания дала сбой.

Выжидали-выжидали, радовались, когда первый срок закончился, а Трамп вернулся.

И это оказалось неожиданным для тех, кого раздражали его эскапады во внешнеполитической сфере.

Поэтому сегодня недостаточно просто выжидать – нужно что-то предпринимать более серьёзное.

На этом треке обсуждаются три-четыре опции.

Необязательно их осуществлять по отдельности или в противовес одна другой.

Можно действовать одновременно и параллельно.

Какие это опции?

В самом общем плане: Европе необходимо обретать самостоятельность, наращивать какой-то потенциал независимости в военно-политической области.

Но одновременно – быть осторожными, чтобы не оттолкнуть Соединённые Штаты.

Эти два императива не должны рассматриваться в отрыве друг от друга.

США – крупная величина, у страны большие перспективы, огромные экономические возможности, грандиозный военный потенциал.

Просто так не отмахнёшься!

Поэтому надо с американцами, даже с Трампом, строить какие-то более или менее лояльные отношения.

Есть понимание, что военные возможности США несоизмеримы с военными возможностями европейских участников НАТО. США – это стержень НАТО, их участие имеет ключевое значение по линии инфраструктуры, ПВО, разведки и массы других вещей...

Поэтому, когда европейцы думают о самостоятельности, они одновременно думают о том, как не оттолкнуть США.

Хочу подчеркнуть, что это традиционная линия.

Даже Шарль де Голль, при всём своём фрондировании в отношении Соединённых Штатов, выступал за их присутствие в Европе и за укрепление гарантий со стороны США, в том числе военно-политических гарантий.

Как обеспечить вовлечение США – это другой вопрос, у нас нет времени для его обсуждения. Но что важно подчеркнуть в европейском подходе – совершенно очевидное нежелание ставить крест на НАТО.

Дискуссии, скорее, сфокусированы на ином: как сделать так, чтобы повысить роль европейской компоненты в НАТО?

И это ещё одна традиционная линия.

Хочу повторить, что многие поднимаемые в Европе темы вписываются в традиционный дискурс. Он прослеживается на протяжении многих десятилетий.

Новое сейчас – это акцент на необходимости практической реализации тех идей, которые когда-то казались достаточно умозрительными.

Что такое стратегическая автономия для Европы?

Это один из альтернативных подходов, о котором много сейчас говорят.

Его суть: надо развивать структуры, не замкнутые на НАТО и не привязанные к Соединённым Штатам.

Это касается военной компоненты, это касается автономного командования, это касается самостоятельного управления военным потенциалом, это касается логистики, разведки, политической компоненты.

Вот такой длинный перечень.

Ещё одна традиционная тема, которая в последнее время стала привлекать всё большее внимание европейцев.

Обычно, когда говорят о самостоятельности, автономии и тому подобном, имеют в виду прежде всего конвенционный потенциал, силы общего назначения.

Но в последнее время мы слышим рассуждения и о ядерной компоненте.

На мой взгляд, здесь есть гораздо больше препятствий, чем возможностей.

Однако любопытно, что разговоры на эту тему сегодня стали приобретать несколько иную тональность.

Традиционно была достаточно простая логика.

У двух европейских держав есть ядерное оружие.

Можно умозрительно размышлять о том, что это тоже элемент сдерживания со стороны Европы.

Но в то же время очевидно: ядерный потенциал европейских стран находится под их абсолютным национальным контролем, и иного быть не может.

Не буду утверждать, что сейчас в этой области что-то меняется.

Но, если она начинает как-то соотноситься с темой стратегической автономии для Европы, это обращает на себя внимание.

Ещё одна линия в подходе Трампа к союзникам – заставить их больше платить за свою оборону.

Это то, что происходит, то, с чем, в общем-то, европейцы соглашаются.

Понятно, что это не очень их радует по очевидным причинам.

Раньше было много разговоров о том, что расходы на военные цели должны составлять не менее 2 % от ВВП.

Но мало кто на этот уровень выходил.

А сегодня уже говорят про 3, 4 и 5 % от ВВП.

И это то, что реально происходит.

С переломной даты 2014 года наблюдается значительный рост военных расходов, снимаются бюджетные ограничения на эти цели.

Мои коллеги-экономисты могли бы привести соответствующие цифры.

Они, безусловно, впечатляют.

И ещё на один аспект обращаю внимание – на европейскую военно-политическую интеграцию.

Это тоже традиционный сюжет, который в своё время уходил на второй план, а сейчас возникает снова.

Речь идёт об объединительных трендах в военном производстве, организации вооружённых сил, их подготовке и так далее.

Здесь есть традиционные ограничители: разные собственные интересы, дорогостоящий процесс формирования общих структур и прочее.

Не очень хочется тратить огромные средства, привыкли к американскому «ядерному зонтику», может быть разное понимание касательно военно-технических характеристик систем оружия, неодинаковы геополитические императивы...

Но есть и успехи – например, опыт разработки еврофайтера «Тайфун».

В конце 1970-х годов началось обсуждение этого проекта по созданию истребителя четвёртого поколения.

Оно длилось почти два десятилетия.

Да, долго, но сегодня пять стран его производят, планируют выпустить почти 1500 истребителей.

Это явный успех в области совместного производства.

На это же можно рассчитывать сегодня и в иных сферах военно-политического сотрудничества.

Выводы, которые я делаю, имеют несомненное значение для нашей страны.

Главное – Трамп нанёс сильнейший удар по евроатлантической солидарности.

Но это не нокаут.

Союзники оценивают инициативы Трампа очень скептически.

Можно ожидать, что будет сокращение жёсткой увязки с США.

Но будет сохраняться заинтересованность союзников в том, чтобы США продолжали присутствовать в Европе в военно-политическом плане и даже становились более активными.

Никаких иллюзий не должно быть и касательно усилий европейцев по укреплению своего военного потенциала.

Расходы европейцев на эти цели будут расти, причём очень ощутимо.

Давайте не будем забывать, что в НАТО идёт рутинная проработка возможных сценариев военного конфликта – понятно с кем.

Полтора десятка разных сценариев. Девять относятся к Северной Европе, другие – к разным субрегиональным аспектам европейской ситуации.

Думаю, для нас очень важно адекватно оценивать политическую компоненту самого феномена НАТО.

Есть традиционное представление о том, что НАТО является инструментом в руках Соединённых Штатов.

Но надо видеть, что и европейцы пытаются использовать этот механизм в своих интересах.

Мы сейчас, правда, больше раздражены европейцами, чем американцами.

Но это сегодня.

Не исключено, что завтра может возникнуть необходимость каких-то коррективов.

России важно находить сбалансированный подход.

Я сформулировал бы нашу задачу следующим образом: оценивать динамику взаимоотношений США и их европейских союзников в рамках НАТО надо прежде всего под углом зрения российских интересов.

На этом позвольте закончить.

Спасибо.

КОММЕНТАРИИ К ДОКЛАДУ

Анвар АЗИМОВ (к.и.н. чрезвычайный и полномочный посол РФ в отставке): «Не складывается ли у вас ощущение, что здесь имеет место какое-то предварительное распределение ролей и заранее оговорённый сценарий "плохого и хорошего полицейского"?»

Владимир БАРАНОВСКИЙ: «Вы привели очень интересное рассуждение. Оно правомерно, в нём есть своя логика... Если рассуждать цинично, для нас в каком-то смысле удача, что во главе страны, которую мы традиционно считали нашим главным геополитическим противником, оказался человек такого рода, как Трамп. Поверхностный, непоследовательный, закомплексованный, хамоватый, примитивный в своих представлениях о том, как выстраивать международную политику страны – это всё ослабляет его внешнеполитические

возможности. Кто-то типа Киссинджера был бы более трудным партнёром, но и более надёжным».

Нина КОЛОСОВА (д.ю.н. Институт законодательства и сравнительного правоведения): задала вопрос о кризисе международного права и статье 5.

Владимир БАРАНОВСКИЙ: «Статья 5 не относится к деятельности Международного суда ООН, Международного уголовного суда, Европейского суда по правам человека. Никакие международно-правовые инстанции или многосторонние институты неправомочны высказывать своё суждение по поводу того, правильно или неправильно используется статья 5. Её трактовка – прерогатива участников Североатлантического договора (да и то не в правовой, а в политической плоскости)».

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ

Академик Наталья ИВАНОВА. – о гиперглобализации Китая: «Китай является торговым партнёром номер один примерно для 150 стран мира. При этом 120 стран мира имеют отрицательный торговый баланс с Китаем. В мировой экономике появилась большая страна, можно сказать, торговый супергегемон, который отрицает свою гегемонистскую роль».

Академик Абел АГАНБЕГЯН – об Индии: «Если смотреть на перспективу, то к противостоянию США и Китая будет присоединяться Индия... Через 30–40 лет Индия

по объёму ВВП может превысить Китай, оставив США и Европу далеко позади».

Доктор социологических наук Светлана КИРДИНА-ЧЭНДЛЕР – о биполярности: «Выстраивается не многополярный мир. Многополярный мир – конструкция неустойчивая. Думаю, мы переходим от однополярного мира к биполярному, двухполюсному миру. Первый полюс – западные страны во главе с США. Второй полюс, к которому относятся и Россия, и Китай, и Индия, благодаря ШОС, БРИКС, СНГ, ЕвразЭС институционализируется как единая сила».

Чл.-корр. Михаил ЧЕРНЫШ – о неоконсерваторах: «Неоконсерваторы – это группа американских публицистов, философов, социологов, политиков, которые собрались вокруг журнала "Комментарии" в конце 70-х годов... Большая часть этих людей – повзрослевшие и постаревшие троцкисты. В молодости они находились на крайне левых позициях, а сейчас исповедуют идеи воинствующего империализма».

Доктор экономических наук Алексей ХАРЛАНОВ – о «переворачивании доски»: «Трамп действительно может

"перевернуть доску", когда он поймёт, что ситуация выходит из-под контроля... Наша задача – использовать передышку перед возможным "переворачиванием доски", когда все правила игры будут изменены».

Академик Роберт НИГМАТУЛИН – об образовании: «95% американских детей не получают нормального – в нашем представлении – образования... Весь народ нужно заставлять учиться... Одноязычный человек в своей жизни – это определённая степень убогости, извините меня».

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

Виктор СУПЯН: «Я могу только поблагодарить организаторов за прекрасное мероприятие, за очень интересные доклады».

Валерий ГАРБУЗОВ: «Действительно, это очень важно – слушать мнение других и как-то корректировать собственные позиции. Спасибо вам за то, что вы берёте на себя такой труд – собирать людей и обсуждать эти вопросы».

Владимир БАРАНОВСКИЙ: «Я услышал много интересных мыслей и в докладах основных наших спикеров, и в комментариях. Это очень здорово».

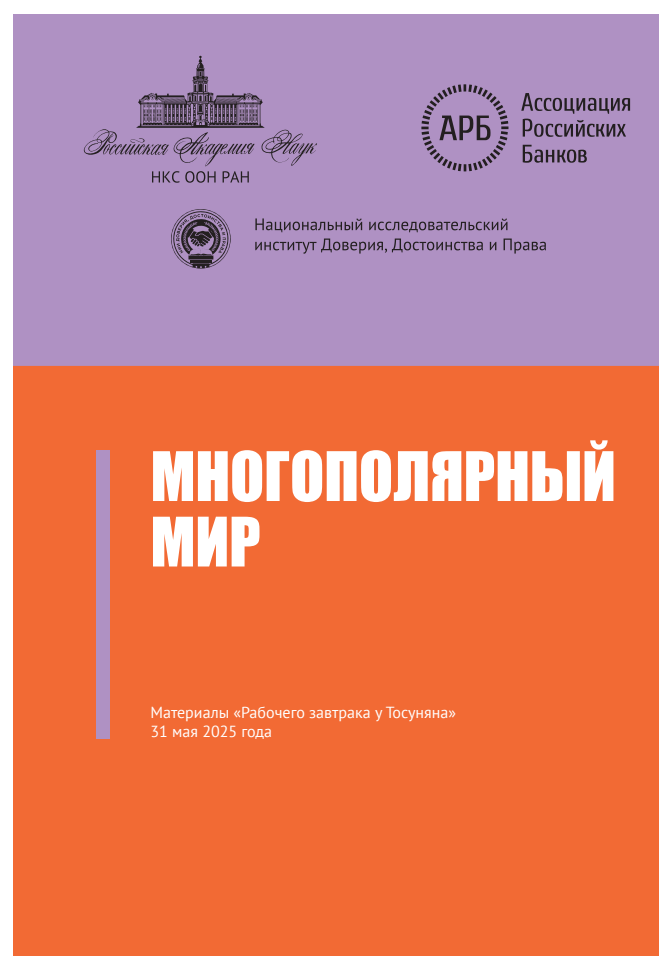
Гарегин ТОСУНЯН: «Тема сегодня интересная, сложная, и главное, она многосерийная, поэтому мы к ней будем возвращаться... Вопрос многополярности отнюдь не такой простой, который можно обсудить за один раз. Давайте мы эту тему продолжим позднее в каких-то других проекциях».

Полностью материалы
заседания опубликованы в сборнике:
**Многополярный мир:
Россия, США, Китай, Индия, ЕС: влияние
на него новой администрации США:
материалы заседания 31 мая 2025 года
/ НКС ООН РАН ; АРБ ; НИИ ДДиП ;
[под общ. ред. акад. РАН Г.А. Тосуняна]. – М. :
ООО «Новые печатные технологии»,
2026. – 167 с. – ISBN 978-5-6056500-2-7.**

Электронные версии сборников –
на сайте <https://rannks.ru>.

Презентации докладчиков –
<https://rannks.ru/pubs/>.

DDoS-атаки на банки: почему гигабиты уже не главное

Текст: Оксана ДЯЧЕНКО

DDoS-атаки для российского финансового сектора давно перестали быть исключительно технической проблемой. Сегодня под ударом может оказаться не только канал связи или публичный сайт банка, но и конкретный API, отдельный микросервис или бизнес-логика приложения. При этом злоумышленники всё чаще используют автоматизацию, распределённые бот-сети и сценарии, которые позволяют имитировать поведение реального пользователя.

Кто атакует банки, почему крупный объём трафика не всегда означает наиболее опасную атаку, как меняется роль L7-атак, и почему банкам приходится постоянно выбирать между жёсткой фильтрацией и риском заблокировать настоящего клиента, говорили участники шестого подкаста «DDoS-устойчивость российских банков», который состоялся 10 сентября в рамках совместного проекта Национального банковского журнала и Global Digital Space.

В подкасте приняли участие:

Ведущий:

Александр ТОВСТОЛИП,
руководитель управления информационной
безопасности Ассоциации ФинТех

Владимир ЗАЙЦЕВ,
заместитель технического директора NGENIX

Дмитрий НИКОНОВ,
директор по продуктам DDoS-Guard

Светлана СТАРОСТИНА,
руководитель защиты информации ДОМ.РФ Банка
Евгений МИХАЙЛОВ,
начальник отдела сервисов кибербезопасности
ПАО «Банк ПСБ»

Олег ВОЛКОВ,
руководитель департамента информационной
безопасности банка «Кубань Кредит»

От хактивистов до коммерческих группировок: кто атакует банки

Ещё несколько лет назад DDoS-атаки на финансовые организации чаще воспринимались как инструмент политически мотивированных группировок или как вспомогательный элемент при киберпреступлениях. Сегодня картина стала значительно сложнее: границы между разными типами злоумышленников постепенно размываются.

Как отметила **Светлана Старостина**, условно можно выделить три большие группы: хактивистов, действующих по политическим или иным мотивам; киберкриминальные группы, заинтересованные в финансовой выгоде, и профессиональные группировки, которые фактически продают свои возможности на рынке.

«Границы между этими тремя классами начинают размываться», – подчеркнула эксперт.

По её словам, политически мотивированные группировки никуда не исчезли, но одновременно выросла доля атак, связанных непосредственно с попытками заработать на кли-

ентах банков. Кроме того, на рынке появилось больше профессиональных команд, готовых выполнять атаки под заказ. В результате финансовые организации фактически оказываются под прицелом сразу нескольких типов противников.

Дмитрий Никонов отмечает аналогичную тенденцию со стороны поставщиков защитных решений. По его словам, с 2022 года характер атак заметно менялся: первоначально значительную роль играли политические группировки, тогда как в последние полтора года усилилась коммерческая составляющая.

Причина, по его оценке, в том, что за несколько лет злоумышленники накопили технологии, инфраструктуру и опыт. Теперь эти возможности можно фактически покупать как услугу.

Изменилась и тактика. Речь уже не обязательно идёт об одном злоумышленнике, который пытается атаковать конкретный банк. По словам Дмитрия Никонова, группировки могут

одновременно сканировать десятки финансовых организаций, искать среди них наиболее уязвимую инфраструктуру и затем последовательно атаковать разные цели.

Получается своеобразная волновая атака на весь сектор: после одной организации внимание переключается на другую.

Владимир Зайцев напоминает, что исторически DDoS в банковском секторе мог использоваться как прикрытие для хищений. Однако для крупных банков такой сценарий сегодня реализовать значительно сложнее: у них, как правило, уже сформирована серьёзная инфраструктура защиты.

Поэтому, считает эксперт, небольшим банкам может быть сложнее противостоять атакам, поскольку их инфраструктура и бюджеты на информационную безопасность меньше. В отношении крупных организаций атака зачастую имеет другую мотивацию – например, политическую или имиджевую.

Почему гигабиты уже не главный показатель опасности

Публичное обсуждение DDoS часто строится вокруг цифр: сколько терабит в секунду достигла атака, сколько устройств участвовало в ботнете, и насколько масштабным оказался всплеск трафика. Однако для банков подобная статистика далеко не всегда позволяет понять реальный уровень угрозы.

Светлана Старостина обращает внимание на то, что потенциальная мощность бот-сетей практически не имеет чёткого потолка. В их состав могут попадать домашние роутеры, старые устройства, телевизоры, смартфоны и другая техника

с необновлённым программным обеспечением.

«Все это материал для будущих бот-ферм», – говорит эксперт.

По её словам, уже сегодня существуют бот-сети, способные формировать атаки мощностью в десятки терабит. Однако сами по себе такие цифры ещё не означают, что именно подобная атака представляет наибольшую угрозу для банка.

Гораздо опаснее могут быть небольшие, но точечные атаки, имитирующие поведение реального пользователя. Они способны воздействовать не на канал связи в целом, а на конкретный сервис – например, API или компонент, связанный с подтверждением операций.

«В первую очередь опасны точечные атаки, которые идут медленно, имитируют реального пользователя и воздействуют на какой-то уязвимый сервис», – отмечает Светлана Старостина.

Дмитрий Никонов также предлагает смотреть не только на пиковую мощность. Иногда атака объёмом 50 гигабит, распределённая между множеством микросервисов, способна причинить

больше проблем, чем гораздо более мощный поток, который легко заметить по одному резкому скачку трафика.

Для защиты принципиально важно понимать, куда именно направлено воздействие и какие сервисы оно затрагивает.

При этом масштабы бот-сетей продолжают расти. По данным, которые приводит Никонов, в 2025 году специалисты компании фиксировали более 2 млн IP-адресов, участвовавших в одной атаке. Уже в первом квартале 2026 года таких адресов было более 3 млн. Это означает, что растёт не только мощность отдельных атак, но и распределённость инфраструктуры злоумышленников.

L7 выходит на первый план: атаковать бизнес-логику становится дешевле

Один из главных сдвигов последних лет – переход злоумышленников от грубого воздействия на сетевую инфраструктуру к атакам на уровень приложений.

В традиционной классификации L3 и L4 относятся к сетевому и транспортному уровням, а L7 – к уровню приложений. Если атака на нижних уровнях может выглядеть как мощный поток трафика, то L7-атака способна маскироваться под обычные запросы пользователей.

Олег Волков, говоря о практике банка «Кубань Кредит», отметил, что за последние полтора-два года банк практически не наблюдал серьёзных атак на L3/L4. При этом заметно усилилось смещение в сторону L7.

Причина понятна: для объёмной атаки необходимо обеспечить соответствующую мощность, тогда как на уровне приложения иногда достаточно небольшого количества тщательно сформированных запросов, если злоумышленник понимает особенности конкретного сервиса.

Владимир Зайцев обращает внимание на противоположную сторону вопроса. Канальную атаку технически организовать проще: условно один арендованный сервер способен генерировать значительный объём трафика, а несколько источников позволяют быстро получить крупный поток.

Поэтому без специализированной защиты такой сценарий может быть эффективным.

С L7 ситуация сложнее. Здесь недостаточно просто создать большой объём запросов. Необходимо сформировать их таким образом, чтобы они выглядели правдоподобно и при этом создавали нагрузку на конкретную бизнес-логику.

Именно поэтому защита от L7-атак становится более сложной задачей. Система должна не просто отличить большой поток от маленького, а понять, какие запросы являются нормальным поведением клиента, а какие – попыткой перегрузить конкретный сервис.

Дмитрий Никонов отмечает ещё одну тенденцию: появляются комбинированные атаки. Сначала

злоумышленник может воздействовать на L3/L4, создавая нагрузку на канал, а затем переключаться на L7.

При этом стоимость L7-атак постепенно снижается благодаря автоматизации и развитию специализированного инструментария. Порог входа для злоумышленников становится ниже, а значит, подобные сценарии потенциально доступны большему числу группировок.

DDoS как «дымовая завеса»: всегда ли атаки комбинируют

Участники дискуссии по-разному оценивают распространённый сценарий, при котором масштабная атака на сетевой уровень используется как отвлекающий манёвр, пока злоумышленники пытаются воздействовать на другой сервис.

Светлана Старостина предложила рассматривать такой вариант как одну из потенциальных угроз. Пока команда информационной безопасности занята отражением объёмной атаки, параллельно может происходить более незаметное воздействие на приложение или другой элемент инфраструктуры.

Дмитрий Никонов допускает такой сценарий. По его словам, широкие каналы и резервная инфраструктура у банков позволяют во многих случаях выдерживать L3-атаки, поэтому основной интерес для злоумышленника может представлять именно L7.

Евгений Михайлов также говорит, что канальная атака действительно может выступать фоном для более целенаправленного воздействия. Поэтому при серьёзном DDoS банк усиливает мониторинг инфраструктуры и сервисов, не ограничиваясь наблюдением непосредственно за атакуемым каналом.

При этом, по его практике, чаще речь идёт именно о многовекторных атаках, когда разные уровни инфраструктуры атакуются одновременно.

Олег Волков с таким объяснением согласен не полностью. По его наблюдениям, далеко не всегда L3-атака является дымовой завесой. Иногда цели у разных типов атак различаются.

В частности, банк может столкнуться либо с мощным воздействием на сетевом уровне, либо с точечной атакой на приложение. И если инфраструктура некорректно настроена, небольшой ботнет также способен создать серьёзную проблему.

Особенно уязвимыми могут оказаться неправильно настроенные балансировщики и системы очистки трафика. Волков отмечает, что даже ботнет примерно из 10 тыс. машин в определённых условиях может оказаться эффективным.

Таким образом, для защиты опасно ориентироваться на один сценарий. Нельзя исходить из того, что большая атака обязательно является отвлекающим манёвром, так же как нельзя считать небольшую атаку несущественной.

Бот всё больше похож на человека

Ещё одна проблема, которая усложняет защиту банков, – развитие автоматизированного трафика. Современный бот может не просто отправлять большое количество одинаковых запросов, а имитировать поведение реального пользователя.

По словам **Владимира Зайцева**, в отдельных сегментах интернета

автоматизированный трафик уже может составлять около половины всех запросов. При этом речь идет не всегда о вредоносных ботах. Есть публичные поисковые боты, которые индексируют содержимое сайтов, боты популярных сервисов и мессенджеров, а также другие автоматизированные системы, которые регулярно обращаются

к веб-ресурсам и выполняют полезные для пользователей и владельцев сайтов функции.

Поэтому задача банка или поставщика защитного решения состоит не просто в том, чтобы обнаружить бота. Нужно определить, представляет ли конкретный автоматизированный трафик угрозу.

Это особенно хорошо видно на примере других отраслей. Например, автоматический сервис может регулярно проверять стоимость авиабилетов. Для авиакомпании такой бот создаст дополнительную нагрузку, но сам по себе не является злонамеренным.

В банковской сфере ситуация иная: автоматизированный запрос, связанный с попыткой подобрать параметры атаки, получить доступ к сервису или перегрузить конкретную функцию, уже представляет угрозу.

Зайцев отмечает, что для банков есть определённое преимущество: финансовая организация знает своего клиента значительно лучше, чем обычный публичный интернет-сервис. У банка есть идентификация, история

операций и другие данные, которые могут использоваться для анализа.

Однако и злоумышленники совершенствуют свои инструменты. Современные боты способны имитировать поведение пользователя, менять его паттерны и использовать большое количество устройств, выполняющих, на первый взгляд, легитимные операции «ниже радаров» систем защиты (многие вспомнят популярное видео о том, как выглядит китайская мобильная бот-ферма). В результате невозможно детектировать злонамеренную автоматизацию, полагаясь на известные признаки бот-активности.

Дмитрий Никонов описывает защиту как постоянное соревнование

между автоматизированными системами атаки и средствами обнаружения.

У поставщика защиты есть собственная репутационная и поведенческая база, скоринг IP-адресов, данные о характерных паттернах. Но этого недостаточно: трафик каждого банка индивидуален.

Поэтому эффективная защита требует обратной связи от самого банка. Только организация знает, какое поведение является нормальным именно для её клиентов и сервисов.

В результате защита превращается в постоянную совместную работу: вендор предоставляет инструменты и автоматические механизмы анализа, а банк помогает уточнять правила фильтрации и понимать специфику собственной инфраструктуры.

Не каждого бота нужно блокировать

Проблема становится ещё сложнее, когда автоматизированный трафик не является вредоносным.

Светлана Старостина обращает внимание на принципиальную для бизнеса разницу между «ботом» и «плохим ботом». Автоматизированный запрос сам по себе ещё не означает угрозу.

Владимир Зайцев подтверждает, что определение публичных ботов –

отдельная сложная задача. Вендорам приходится формировать собственные базы известных поисковых и других сервисов, регулярно обновлять их и искать новые модели поведения.

При этом злоумышленник может попытаться выдать вредоносный трафик за легитимный. Поэтому одного списка разрешённых адресов недостаточно.

Получается парадокс: чем лучше системы научатся отличать человека от бота, тем важнее станет не ошибиться и не заблокировать автоматизированный сервис, который нужен самому бизнесу.

Для банка цена ошибки особенно высока. Блокировка подозрительного запроса может повысить уровень безопасности, но одновременно создать проблему для реального клиента.

Что делать, если под ударом сразу всё

Отдельный вызов для банков – многовекторные атаки, когда одновременно затрагиваются сайт, API, мобильные приложения и другие внешние сервисы.

Евгений Михайлов считает, что в такой ситуации нельзя начинать строить защиту уже после начала инцидента. Необходима заранее сформированная эшелонированная система. Она должна включать защитные механизмы на разных уровнях: от решений операторов связи и системы защиты

регуляторов связи до собственных средств защиты банка.

При этом важно заранее понимать критичность сервисов. Не все компоненты инфраструктуры одинаково важны для бизнеса, а значит, и сценарии реагирования могут различаться.

Светлана Старостина предлагает в качестве основы использовать бизнес-импакт-анализ – BIA. Он позволяет заранее определить, какие процессы наиболее критичны для организации, что произойдёт при их остановке, и какие

элементы инфраструктуры необходимо защищать в первую очередь.

В число таких систем могут входить взаимодействие с регулятором, платёжная инфраструктура и другие процессы, остановка которых способна привести к серьёзным последствиям для банка, отмечает эксперт.

Именно поэтому речь идёт не о попытке поставить максимальную защиту абсолютно на всё, а о правильном распределении ресурсов и эшелонов безопасности.

Главный риск – не только пропустить атаку, но и заблокировать клиента

В конечном счёте задача DDoS-защиты заключается не в том, чтобы заблокировать максимально возможный объём подозрительного трафика. Для банка критична доступность сервисов для настоящих клиентов.

Светлана Старостина отмечает, что абсолютно безошибочной системы не существует. Даже очень небольшой процент ложных срабатываний при миллионах операций может превратиться в тысячи недовольных клиентов.

При этом клиент не обязательно будет жаловаться. Он может просто уйти в другой банк.

Поэтому разные операции должны иметь разные уровни защиты. Для высокорисковых действий допустим более жёсткий порог, тогда как для низкорисковых операций избыточная блокировка может оказаться дороже потенциальной угрозы.

Евгений Михайлов также считает, что свести количество ложных срабатываний к абсолютному нулю практически невозможно. Многовекторные атаки постоянно меняются, злоумышленники ищут новые слабые места, а защитные политики приходится регулярно корректировать.

Однако задача информационной безопасности состоит в том, чтобы минимизировать влияние таких ошибок и не допускать деградации сервисов.

Олег Волков предлагает смотреть на ситуацию ещё более прагматично. Если мощная DDoS-атака полностью забивает канал, вопрос о тонком разделении легитимного и нелегитимного трафика может на некоторое время потерять смысл. В такой ситуации первоочередная задача – как можно быстрее восстановить работу сервиса.

DDoS-устойчивость становится частью бизнес-устойчивости

Главный вывод дискуссии заключается в том, что DDoS уже нельзя рассматривать как изолированную техническую угрозу. Для банка это одновременно вопрос доступности услуг, клиентского опыта, репутации и непрерывности бизнеса.

Меняется и сам объект атаки. Если раньше злоумышленнику было достаточно создать огромный поток трафика, сегодня он может искать конкретный API, микросервис или бизнес-процесс. При этом атака может быть небольшой по объёму, но хорошо подготовленной.

Растёт и автоматизация. Ботнеты становятся мощнее, боты – правдоподобнее,

а инструменты для проведения атак – доступнее. Одновременно банки и поставщики защиты должны научиться различать вредоносный и легитимный автоматизированный трафик.

В этой ситуации универсального правила защиты не существует. Необходимы несколько уровней фильтрации, постоянный мониторинг, анализ поведения, обмен информацией между банком и вендором и заранее определённые сценарии реагирования.

При этом финансовому сектору приходится решать ещё одну задачу –

сохранять баланс между безопасностью и удобством клиента. Слишком мягкая защита создает риски для инфраструктуры, слишком жёсткая может сделать недоступными реальные операции.

Поэтому современная DDoS-устойчивость – это уже не вопрос, способен ли банк выдержать атаку определённой мощности. Важнее понимать, какие сервисы атакуются, насколько быстро организация может обнаружить изменение сценария, и насколько эффективно она способна сохранить работоспособность критичных процессов. **НБ**

Жить в долг

Власти и центробанки ищут возможности ослабить бремя государственных заимствований

Текст: Аркадий АРЗАМАСЦЕВ

Обозреватель Национального банковского журнала Аркадий АРЗАМАСЦЕВ анализирует последние публикации в ведущих мировых финансовых СМИ, касающиеся глобального долга, который, по данным Института международных финансов (IIF), в первой половине 2026 года превысил 365 трлн долларов, увеличившись более чем на 10 трлн. Это соответствует примерно 305% мирового ВВП. Хотя темпы прироста замедлились по сравнению с 21 трлн долларов годом ранее, общая долговая нагрузка продолжает устанавливать рекорды. Об этом пишет американский *Forbes*. Ключевая особенность текущего цикла – рост долга подпитывается не восстановлением после пандемии или низкими ставками, а стратегическими капитальными затратами. Нефинансовые корпорации наращивают заимствования для финансирования инфраструктуры искусственного интеллекта и центров обработки данных, правительства – для оборонных расходов и бюджетных стимулов.

Это концентрирует риск пролонгации в узком сегменте рынка, который практически не имеет прецедентов поведения в условиях стресса. В отчёте IIF также отмечается переток капитала и изменение распределения активов: инвесторы уходят от казначейских облигаций США в пользу государственного долга Европы и Японии. Причина – растущие опасения по поводу бюджетного дефицита в Соединённых Штатах.

Бюджетные дефициты остаются высокими в крупнейших экономиках мира. Крупные пакеты бюджетных стимулов, запланированные к запуску в 2026 году в Японии, США, Германии и Китае, указывают на ещё более высокие государственные заимствования и процентные расходы в будущем.

СТЕНА РЕФИНАНСИРОВАНИЯ

Глобальные финансовые рынки столкнулись с беспрецедентным объёмом

долговых обязательств с наступающими сроками погашения. Развивающимся рынкам предстоит выплатить более 9 трлн долларов, развитым – рефинансировать свыше 20 трлн. По оценке S&P Global Ratings, общий объём корпоративных долгов к погашению в 2025–2029 годах составляет около 12,4 трлн долларов, из которых 3,4 трлн – спекулятивного уровня.

Арифметика не прощает эмитентов, зафиксировавших сверхнизкие ставки во время пандемии: компания, занимавшая под 2,5% в 2020 году, теперь может столкнуться с расходами на рефинансирование в диапазоне 5–7%.

При этом доходность 10-летних казначейских облигаций США достигла 5,34% – максимума с 2002 года. Более половины из 173 участников опроса Markets Pulse ожидают, что доходность 30-летних бумаг достигнет 6% до конца года. От Японии до Франции стоимость заимствований также обновляет исторические максимумы.

ФАКТОРЫ ДАВЛЕНИЯ

Среди ключевых факторов, оказывающих давление на рынок долга, эксперты Forbes выделяют:

■ **технологическую гонку и инфраструктуру ИИ.** Нефинансовые корпорации наращивают долговые коэффициенты в рамках «гонки технологических вооружений» в сфере искусственного интеллекта и центров обработки данных. Это создаёт устойчивый спрос на заёмный капитал, не связанный с традиционным циклом.

■ **расходы на оборону и безопасность.** Растущие оборонные обязательства, особенно в странах Европейского союза, по прогнозам, добавят до 18 процентных пунктов к соотношению государственного долга ЕС к ВВП в течение следующего десятилетия. Это долгосрочный структурный фактор давления на бюджеты.

■ **суверенную концентрацию долга.** Основной прирост глобального долга обеспечивают суверенные заимствования. На США, Китай и еврозону приходится примерно три четверти чистого прироста мирового долга. Государственный долг США (40 трлн долларов) превысил 122% ВВП и продолжает расти, совокупный государственный и корпоративный долг КНР (около 19 трлн долларов) также достиг новых рекордов. При этом средняя стоимость государственных займов стран «Большой семёрки» находится на самом высоком уровне с середины 2008 года, а годовые процентные расходы почти на 85% выше. Только по торгуемым на международном уровне гособлигациям развитые страны за последний год выплатили более 3,5 трлн долларов процентов – больше, чем предполагаемые глобальные расходы на ИИ (2,6 трлн), оборону (3,1 трлн) или энергетику (3,4 трлн).

■ **расхождение между развивающимися и развитыми рынками.** Общий долг и соотношение долга к ВВП на развивающихся рынках достигли рекордного уровня –

более 235% ВВП. Это обусловлено увеличением заимствований в таких странах, как ЮАР, Аргентина и Египет. В развитых экономиках соотношение долга к ВВП немного стабилизировалось или умеренно размылось благодаря номинальному экономическому росту, тогда как развивающиеся рынки продолжают наращивать долговую нагрузку.

■ **истощение избытка сбережений.** По данным Oxford Economics, глобальный избыток сбережений, десятилетиями поддерживавший низкие ставки, исчерпан.

ПОЗИЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ

Генеральный директор Банка международных расчётов (BIS) **Пабло Эрнандес де Кос** на лекции в Вене 5 октября 2026 года обозначил ключевую дилемму: «Если рыночная дисфункция угрожает финансовой стабильности или передаче денежно-кредитной политики, центральные банки должны вмешиваться. Но когда долг высок, а потребности в государственном финансировании велики, даже хорошо продуманная операция может быть истолкована через фискальную призму».

Он предупредил, что рост влияния небанковских финансовых институтов – хедж-фондов, пенсионных фондов и управляющих активами – которые стали крупными держателями государственного долга, создаёт дополнительные риски. Во времена стабильности они поддерживают ликвидность рынка, но их использование леввериджа и рыночного финансирования может усиливать стресс в периоды турбулентности. Директор-распорядитель МВФ **Кристаллина Георгиева** заняла ещё более жёсткую позицию, назвав небанковские институты «монетарными ковбоями».

Вместе с тем, центральные банки располагают несколькими инструментами для купирования угроз, связанных с долговым кризисом.

Целевые программы покупки активов. Эрнандес де Кос назвал ответ Банка Англии на кризис на рынке ценных бумаг в 2022 году «образцом»

для использования покупок активов в качестве антикризисного инструмента. Строго ограниченные окна для сделок, чёткая коммуникация и отлаженные механизмы управления покупками эффективны, хотя, предупредил Эрнандес де Кос, в более масштабном и затяжном кризисе «такие обязательства могут оказаться несостоятельными».

Контроль кривой доходности (УСС). Некоторые аналитики ожидают, что центробанки могут прибегнуть к количественному смягчению или даже к контролю кривой доходности при выводе на рынок гособлигаций. Однако такой подход несёт риски подрыва доверия к независимости центральных банков.

Своп-линии (взаимный обмен нацвалютами между двумя или более центробанками). Эрнандес де Кос подчеркнул: «Своп-линии центральных банков остаются критически важными для стабилизации глобальной финансовой системы в периоды острой напряжённости».

Макропруденциальное регулирование. Глава МВФ по финансовой стабильности **Тобиас Адриан** призвал к «тщательному мониторингу того, как развиваются уязвимости, принятию макропруденциальных мер там, где это необходимо, и сильному надзору за банками и небанковскими организациями».

РЫНОК РЕШАЕТ

В то же время, ИФ предупреждает, что центральные банки будут избегать агрессивного ужесточения денежно-кредитной политики, поскольку они «ограничены ростом государственного долга, наблюдавшимся с периода незадолго до пандемии». Это создаёт ситуацию, когда рынок сам будет ужесточать финансовые условия, даже если центральные банки не будут повышать ставки.

Эрнандес де Кос также отметил, что онлайн-банкинг, социальные сети, стейблкоины и искусственный интеллект могут ускорить будущие кризисы. Быстрый вывод средств благодаря

интернету и стремительное распространение инсайдерских данных, включая дезинформацию, могут вынудить политиков реагировать быстрее, чем в прошлом.

Глобальный долг, превышающий 305% мирового ВВП, и стена рефинансирования создают беспрецедентную нагрузку на финансовую систему, констатируют в IIF. Сегодняшняя стабильность условна: она зависит от сдерживания

роста, смягчения центральными банками без повторного разжигания инфляции и продолжения аппетита инвесторов к рекордному предложению облигаций – любой из этих факторов может пошатнуться первым.

При этом, подчеркивают аналитики Forbes, центральные банки оказываются в положении, когда любое вмешательство может быть истолковано как фискальная поддержка, а бездействие –

как угроза финансовой стабильности. Как выразился Эрнандес де Кос, «центральные банки должны играть ключевую роль, но то же самое должны делать другие регуляторы и правительства». Без скоординированных фискальных мер и ответственной бюджетной политики даже самые совершенные инструменты денежно-кредитной политики окажутся недостаточными для предотвращения долгового кризиса. **NBJ**

Комментарий эксперта

Ольга БЕЛЕНЬКАЯ,
руководитель отдела
макροэкономического анализа
ФГ «Финанс»

Рост глобального долга – это долгосрочный процесс, но в этом году его эффект для долговых рынков оказался усилен повышенными потребностями в финансировании со стороны государственного и корпоративного сектора. Это связано со следующими факторами:

1. Большие дефициты бюджета во многих крупных экономиках. Дополнительные расходы правительств на оборону и перевооружение, поддержку населения и бизнеса в условиях энергетического шока и удорожания продовольствия из-за ближневосточного конфликта.

2. Повышенный спрос на заимствования со стороны корпоративного сектора, в т.ч. на финансирование инвестиций в сфере ИИ. По данным Reuters, гиперскейлеры (Alphabet, Meta, Microsoft, Amazon, Oracle) и смежный сектор инфраструкту-

ры ИИ в 2026–2027 годах привлекают более \$400 миллиардов в виде долгового финансирования (облигаций и кредитов) для строительства дата-центров и закупки чипов. Ранее этот сектор полностью финансировался за счёт внутреннего денежного потока (free cash flow).

3. Необходимость рефинансировать погашаемые по графику прежние долги, часто по значительно более высоким процентным ставкам, чем в 2020–2021 гг. Рост процентных расходов на обслуживание долга. Так, в бюджете США за неполный 2026 финансовый год чистые процентные расходы на обслуживание госдолга превысили \$1 трлн и вышли на второе место в общей структуре расходов.

При этом происходит постепенный сдвиг и в структуре инвесторов. Например, объём вложений Китая в госдолг США устойчиво снижается – в этом году он составил \$618 млрд против пиковых \$1,3 трлн в 2013 году. Это может объясняться ростом геополитической конкуренции между двумя крупнейшими экономиками мира, и примером России, иллюстрирующей возрастание санкционных рисков для вложений в иностранный госдолг в случае геополитического конфликта.

Но и такие «якорные» инвесторы, как, например, Япония (на которую приходится вложения в госдолг США более 1 трлн долл.) или страны Персидского залива уже не могут играть прежнюю роль в силу вну-

тренных проблем. Разворот процентной политики Банка Японии меняет сложившуюся десятилетиями стратегию керри-трейд (когда за счёт низкодходных заимствований в иенах финансировались более высокодходные облигации других стран). Есть мнение, что долгосрочные изменения структуры инвесторов в американский госдолг (снижение доли центробанков, рост доли частных инвесторов) меняют стиль их поведения – они меньше ориентируются на критерии ликвидности и надёжности и более требовательны к доходности.

В условиях таких сдвигов спроса и предложения требуемая доходность на долговых рынках растёт – инвесторы требуют премию за инфляционные, бюджетные, политические риски (эта тема сейчас сделала госдолг Франции особенно уязвимыми).

При этом центробанки не имеют возможности снижать госдолг, это задача правительств. Пока регуляторы пытаются следовать своему мандату, для чего им приходится повышать процентные ставки в ответ на разгоняющуюся инфляцию. Это усугубляет проблемы заёмщиков. Однако, если турбулентность на долговых рынках перерастет в угрозу для финансовой стабильности, не исключено, что центробанкам придётся изменить тактику и спасать долговые рынки, в том числе переходя к покупке гособлигаций.

Ассоциация
российских
банков

NBJ

Генеральный партнёр:

НБКИ

3. НАЦИОНАЛЬНАЯ БАНКОВСКАЯ ПРЕМИЯ 2026

Ассоциация российских банков и редакция Национального банковского журнала объявили о начале приёма заявок от номинантов Национальной банковской премии 2026. Организаторами премии утверждены следующие номинации*:

Организаторами премии утверждены следующие номинации*:

1. Банковский продукт
2. Инвестиционный продукт
3. Социальный проект
4. За вклад в повышение финансовой грамотности
5. За повышение эффективности бизнеса
6. ИТ-решение для банков
7. Информационная безопасность
8. За развитие цифровых и финансовых технологий в банковском бизнесе
9. Спецпроект
10. Импортозамещение
11. Лучший банк моего города
12. Банк, который ценит своих сотрудников
13. Банк, который рекомендуют друзьям

* возможны изменения и дополнения в количестве и названии номинаций

За дополнительной информацией необходимо обращаться в Оргкомитет Премии

АССОЦИАЦИЯ
РОССИЙСКИХ БАНКОВ

Станислав КОМАРОВ
Директор Департамента
общественных связей АРБ
Главный редактор NBJ
Член экспертного совета Премии

Раб: + 7 (495) 988-32-08
Моб: +7 985-923-42-69
s_komarov@arb.ru, chief@nbj.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
БАНКОВСКИЙ
ЖУРНАЛ

Александр МЕШКОВ
Директор по развитию NBJ
Координатор Премии

Раб: + 7 (495) 988-32-08
Моб: +7 916-930-90-80
adv@nbj.ru

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БАНКОВСКАЯ
ПРЕМИЯ
2026

Партнёры
Национальной
Банковской Премии

Альфа-Банк – крупнейший частный банк в России. На протяжении 35 лет банк занимает ведущие позиции во всех сегментах банковского бизнеса, активно поддерживает спорт на национальном уровне, а также реализует социальные и образовательные проекты.

Банк развивает собственную образовательную платформу Альфа-Будущее и выступает партнёром инициатив в сфере искусства: поддерживает выставки, фестивали, театры и современные культурные проекты.

Банк получил международное признание как технологический лидер финансового рынка благодаря внедрению цифровых сервисов и решений на базе искусственного интеллекта. Его инновации отмечены профессиональными сообществами в Африке, странах Азии и Ближнего Востока.

Банк отмечает продолжающийся рост клиентской базы – число розничных клиентов составляет 46,8 млн человек, малого и среднего бизнеса – 2,4 млн клиентов.

Альфа-Банк работает по модели Phygital, сочетая цифровые инновации с эффективной сетью физического присутствия, которая насчитывает около 800 офисов и более 69 000 населённых пунктов с доставкой.

«Газпромбанк» (АО) – один из крупнейших универсальных финансовых институтов России, предоставляющий широкий спектр продуктов и услуг корпоративным и частным клиентам, финансовым институтам, институциональным и частным инвесторам. Общее число точек продаж в России превышает 520. Банк также имеет представительства в Астане (Казахстан), Пекине (Китай), Улан-Баторе (Монголия), Нью-Дели (Индия) и Ташкенте (Узбекистан). В числе его клиентов – более 5,5 миллионов физических и порядка 230 тысяч юридических лиц.

Банк обслуживает ключевые отрасли российской экономики и занимает сильные позиции на отечественном и международном финансовых рынках, являясь одним из российских лидеров по организации и андеррайтингу выпусков корпоративных облигаций, управлению активами, в сфере частного банковского обслуживания, корпоративного финансирования и других областях инвестиционного банкинга.

Розничный бизнес также является стратегически важным направлением деятельности банка, и его масштабы последовательно увеличиваются. Частным клиентам предлагается полный набор услуг: банковские карты, вклады, потребительское и ипотечное кредитование, валютно-обменные операции, брокерское обслуживание и многое другое.

Банк является одним из технологических лидеров на российском финансовом рынке. За последние несколько лет был успешно реализован проект цифровой трансформации: перестроена ИТ-инфраструктура, внедрены новые сервисы для улучшения клиентского опыта, перезапущены дистанционные каналы обслуживания.

С момента основания в 1990 году Газпромбанк учитывает в собственной деятельности принципы устойчивого развития. В настоящее время банк принимает деятельное участие во всех основных направлениях ESG-повестки.

ГАЗПРОМБАНК

Партнёры Национальной Банковской Премии

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БАНКОВСКАЯ
ПРЕМИЯ
2026

Банк «ВБРР» (АО) был создан при активном государственном участии. Статус банка определён постановлением Правительства РФ №905 от 7 сентября 1995 года «О создании Всероссийского банка развития регионов». 27 марта 1996 года ВБРР зарегистрирован Банком России. Сегодня Банк ВБРР – динамично развивающаяся кредитная организация, универсальное банковское учреждение, которое предоставляет своим клиентам полный комплекс финансовых услуг. По основным финансовым показателям Банк ВБРР входит в число лидеров российского финансового рынка.

ПАО «Банк ПСБ» – универсальный банк, основанный в 1995 году.

Входит в число крупнейших банков России и в список системно значимых кредитных организаций, утверждённый Центробанком, законодательно определён в качестве опорного банка для реализации государственного оборонного заказа и сопровождения крупных государственных контрактов.

Банк ПСБ предлагает широкий спектр услуг для розничных и корпоративных клиентов, в том числе для предприятий ОПК, малого и среднего бизнеса, включающих расчётно-кассовое обслуживание, различные программы кредитования и сбережения, брокерские и инвестиционные услуги на финансовых рынках, лизинговые и факторинговые операции, зарплатные проекты и дистанционные сервисы.

ООО «Цифра банк» основан в 1990 году. Осуществляет свою деятельность на основании универсальной лицензии Банка России № 1143 от 31.01.2024. Банк предлагает широкую линейку инвестиционных и классических финансовых продуктов. Является участником Системы страхования вкладов. Рейтинг кредитоспособности от агентства «Эксперт РА» – на уровне ruBBB- с прогнозом «стабильный». В настоящее время в России открыто более 40 отделений банка.

«Цифра банк» является лауреатом различных финансовых премий и дипломов. «Цифра банк» вошёл в число 100 наиболее надёжных российских банков по версии Forbes в рейтинге 2026 года. Кроме того, согласно рейтингу Forbes 2026 года Цифра Private Banking вошёл в число лучших российских банков для миллионеров. В 2025 году банк стал победителем престижной премии FINAWARD-2025 в номинации «API-решение в формате Bank as a Service». В 2023 и в 2024 гг., два года подряд, банк называли «Лучшим банком для инвесторов» в рамках ежегодной Национальной банковской премии Ассоциации российских банков и Национального банковского журнала (NBJ). Также «Цифра банк» признан «Лучшим банкнотным дилером 2024 года» и «Лучшим банкнотным деском 2023–2024 гг.» по итогам национального конкурса Московской международной валютной ассоциации (ММВА) и Содружества Профессионалов Финансового Рынка. В 2022 году банк награждён дипломом «За вклад в популяризацию частных инвестиций» от рейтингового агентства Эксперт РА; в 2021 году получил премию им. П.А. Столыпина в номинации «Динамично развивающийся банк»; в 2020 году стал лауреатом премии им П.А. Столыпина в номинации «Лидер частных инвестиций в России и Казахстане».

На 1 сентября 2026 года чистые активы ООО «Цифра банк» составили 27,6 млрд рублей, собственные средства (капитал) – 3,1 млрд рублей, уставный капитал – 1,4 млрд рублей, средства клиентов – 22,6 млрд рублей.

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БАНКОВСКАЯ
ПРЕМИЯ
2026

Участники Национальной Банковской Премии

Банк ДОМ.РФ – уполномоченный банк в сфере жилищного строительства с универсальной лицензией. Банк имеет широкую федеральную сеть обслуживания и активно развивает специализированные банковские решения для участников строительного рынка и компаний малого и среднего бизнеса.

Одним из ключевых направлений является внедрение отраслевых пакетов банковских услуг и программ лояльности, направленных на поддержку клиентов в сфере строительства, в том числе и индивидуального жилищного строительства (ИЖС).

По состоянию на 1 сентября текущего года ИЖС портфель Банка ДОМ.РФ достиг отметки в 22,7 млрд рублей, что подтверждает лидерские позиции учреждения среди российских банков по объёму выданных кредитов. Портфель проектно-го финансирования составляет уже 1,8 трлн руб.

ПАО Сбербанк – один из крупнейших банков в России и один из ведущих глобальных финансовых институтов. На долю Сбербанка приходится около трети активов всего российского банковского сектора. Сбербанк является ключевым кредитором для национальной экономики и занимает одну из крупнейших долей на рынке вкладов. Основным акционером ПАО Сбербанк является Российская Федерация в лице Министерства финансов Российской Федерации, владеющая 50% уставного капитала ПАО Сбербанк плюс 1 голосующая акция. Оставшимися 50% минус 1 голосующая акция от уставного капитала банка владеют российские и международные инвесторы. Генеральная лицензия Банка России на осуществление банковских операций №1481 от 11.08.2015. Официальные сайты банка: www.sberbank.com (сайт Группы Сбербанк), www.sberbank.ru.

Свой Банк – ключевой актив группы СВОЙ и платформа для роста холдинга на банковском рынке. Банк вошёл в состав финтех-группы в мае 2022 года. С 2022 года Свой Банк кредитует корпоративных клиентов, выдаёт залоговые кредиты. В 2023 году Банк ввёл в продуктовую линейку розничные депозиты, в 2024–2025 годах – продукты для факторинговых и лизинговых компаний, автобизнеса, субъектов МСБ (кредиты, расчётно-кассовое и дистанционное банковское обслуживание, онлайн-депозиты, начисление процента на остаток, эквайринг, открытие счетов по всей России). В планах Банка – в среднесрочной перспективе войти в число крупнейших российских кредитных организаций с инновационным подходом в корпоративном и розничном банкинге.

ПАО «ЧЕЛИНДБАНК» – крупный универсальный банк Уральского региона, основанный в 1990 году. Дополнительные офисы Банка работают в 26 городах Челябинской области и Екатеринбурге.

Челиндбанк входит в десятку крупнейших кредитно-финансовых учреждений УрФО по ключевым показателям деятельности, а также в топ-100 банков РФ по размеру активов, собственного капитала и прибыли.

В рейтинге журнала Forbes «100 самых надежных российских банков» по итогам 2025 года Челиндбанк занимает 37 место.

Генеральная лицензия Банка России №485. Головной офис: г. Челябинск, ул. Маркса, д. 80. Телефон контакт-центра: 8-800-5001-800. Сайт: www.chelindbank.ru

Сетевая
Безопасность

[NGFW, WAF, NDR, VPN, ZTNA, Anti-DDOS, NAC, MFA]
netsec.ib-bank.ru

*когда?

24.11.2026

Конференция Сетевая безопасность

*где?

г. Москва, отель «Холидей Инн Сокольники»

Организатор

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БАНКОВСКАЯ
ПРЕМИЯ
2026

Участники Национальной Банковской Премии

ПАО «НБД-Банк» основано в 1992 году. Регистрационный номер 1966. Дата регистрации 27.07.1992. Дата внесения записи в Единый государственный реестр юридических лиц 07.08.2002. Генеральная лицензия Центрального банка Российской Федерации на осуществление банковских операций №1966 от 12.08.2015.

ПАО «НБД-Банк» – независимый универсальный межрегиональный банк для малого и среднего бизнеса. На сегодняшний день сеть НБД-Банка включает 25 офисов в 8 регионах: Нижегородской, Кировской, Пензенской и Ивановской областях, а также в Чувашской Республике, Республике Марий Эл, Республике Мордовия, и представительство в Самарской области.

Федеральное рейтинговое агентство «Эксперт РА» подтвердило рейтинг кредитоспособности НБД-Банка на уровне RuBBB+. По рейтингу сохранён стабильный прогноз. Специалисты отметили уверенные показатели капитала при сохранении адекватной рентабельности, надёжный запас ликвидности и положительную экспертизу корпоративного управления. По итогам рэнкинга «Эксперт РА» на федеральном уровне НБД-Банк занимает 13-е место по величине кредитного портфеля МСБ на 1 января 2026 года и 10-е место по объёму кредитов, выданных субъектам МСБ по итогам 2025 года.

НБД-Банк вошёл в топ-100 лизинговых компаний России. По объёму финансирования лизинга на приобретение машиностроительного, металлообрабатывающего и металлургического оборудования НБД-Банк занял 24 место среди лизинговых компаний России.

По итогам 2025 года НБД-Банк занял 60 место в списке топ-100 самых надёжных российских банков по версии журнала Forbes. В 2023 году НБД-Банк стал лауреатом премии в области экономики и финансов им. П.А. Столыпина в номинации «Лучший региональный банк».

Основная работа ПАО «НБД-Банк» направлена на активную поддержку регионального малого и среднего бизнеса, крайне важного для общего развития экономики и создания рабочих мест. Банк разрабатывает и предлагает предпринимателям комплексные программы по решению бизнес-задач, предоставляет ресурсы для реализации долгосрочных проектов.

В отношении Банка отсутствуют санкционные ограничения со стороны западных стран на осуществление операций на международном финансовом рынке и не введены персональные санкции против топ-менеджеров и акционеров Банка.

NBJ

Подробные
условия участия
читайте на сайте
nbj.ru

Мультимедийный информационный спецпроект Национального банковского журнала (NBJ) и радио Mediametrics

Присоединяйтесь к нам! Уверены, что вам есть чем поделиться с широкой аудиторией!
Интервью в профессиональной студии и публикация в уважаемом журнале –
отличный способ рассказать о себе и своей компании целевой аудитории

ГОСТИ ПРОЕКТА

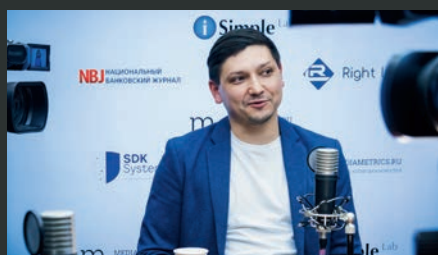
Анастасия Харибина (AKTIV.CONSULTING),
Екатерина Ярцева (Медиаметрикс)

Алексей Колесников (iSimpleLab),
Алексей Александров (SDK Systems),
Екатерина Ярцева (Медиаметрикс)

Алексей Чадаев (Финополия),
Екатерина Ярцева (Медиаметрикс)

Андрей Блощцов (Right line)

Дмитрий Слободенюк (ARinteg),
Екатерина Ярцева (Медиаметрикс),
Наталья Кузьмина (ARinteg)

Юрий Ледаков (BSS)

ПОДРОБНОСТИ

Ведущая программы Екатерина Ярцева

Организатор: ООО УК Национальный банковский журнал, 8 (495)988-32-08
www.nbj.ru event@nbj.ru

НАЦИОНАЛЬНАЯ БАНКОВСКАЯ ПРЕМИЯ

2026

ПОДРОБНЫЕ УСЛОВИЯ
УЧАСТИЯ ЧИТАЙТЕ
НА САЙТЕ NBJ.RU

+7 (495) 988-32-08

Ассоциация
российских
банков

ADV@NBJ.RU

NBJ

CHIEF@NBJ.RU